

Андрогин

Автор:

Юрий Иванович

Андрогин

Юрий Иванович

Превращения #1

Дарья Чернова не жаловалась на жизнь – жизнь у нее была яркой и насыщенной. Лишь одна нераскрытая тайна, вынесенная из детства, немного портила Дарье настроение. Ведь ее бабушка, умирая, завещала ей некий загадочный артефакт. Да вот только у Дарьи не было повода его опробовать в деле. Но повод случился. Смертельный диагноз врачей не оставил наследнице выбора. К счастью, артефакт сработал, перенеся женщину в загадочный мир летающих островов. Вернее, не саму Дарью, а только ее сознание. Все бы ничего, но при переносе сознание женщины оказалось сразу в двух телах – мужском и женском...

Юрий Иванович

Андрогин

© Иванович Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

От автора

Советую читателям воспринимать данную книгу как приключенческую сказку для взрослых. Но как же без маленького пояснения? Сингулярность сознаний – это переход человека на некую высшую ступень своего развития. Представить этот переход, опираясь лишь на технологические новшества, – неправомерно. В первую очередь человек должен быть готов к этому психологически. Ну и, наверное, сама природа давно стала отбирать понемногу тех людей, которые готовы эволюционировать одним скачком. Только вот какими критериями отбора она пользуется? И каким получится этот скачок? Как он будет выглядеть в реальной жизни? Познание Вселенной – это не литр кваса выпить, можно и лопнуть от обилия новых познаний и ощущений. Вот и получается, что первыми по непроторенному пути пойдут те, кто сможет правильно видеть и ощущать не только себя. При этом нужно остаться собой и научиться воспринимать мир и вторым, и третьим, а затем и бесчисленными потоками сознания.

Вот мы и попытаемся представить, как это могло бы происходить в реальности.

Пролог

Тяжёлая бронебойная стрела вонзилась чуть выше головы затаившегося Ариса, высекая искры из камня и обдавая лысый затылок каменной крошкой. В тот же миг раздался ликующий вопль лучника:

– Он там, в гроте!

Сомнений, что беглеца заметили и сейчас бросятся на него всей стаей, больше не осталось. Его поймают, но постараются при этом не убить. Потом будут пытки и жестокая церемониальная смерть. На иное надеяться глупо. Вряд ли среди ведущих погоню отыщется человек, симпатизирующий Арису Шенгауту. Вряд ли кто-то зарежет его незаметно для остальных, великодушно даруя лёгкую смерть. Все, кто может помочь, остались в посёлке.

Мучений парень не хотел. Да и кто захочет, будучи в своём уме? Лучше уж покончить с собой, да только с собой даже кинжала нет.

Потому Арис и решился на неожиданный прорыв. Выскочив из грота, он помчался совсем не туда, где мог выжить. Скорее он сразу обозначил свой путь к смерти: ринулся к ближайшему пробою. На краткий момент это шокировало преследователей и позволило промчаться между скалами и приближающейся цепью загонщиков. А там и скорость удалось увеличить, несясь к пропасти и собственной гибели.

Только вот дистанция оставалась немаленькой, и хуже всего, что шаман, зависший под медленно поднимающимся шаром бачьяна, сразу понял задумку Ариса:

– Бейте его камнями! – заревел он, словно раненый медведь. – Только камнями из пращей!

И пращники постарались от всей души. Да и меткостью сегодня они могли похвастаться, как никогда. Первый камень попал беглецу в плечо, поведя всё тело в сторону и заставив споткнуться. Шенгаут упал, но тут же, используя инерцию движения, сумел вскочить и броситься дальше.

Следующий камень повредил ему правую ногу, и он заковылял, сразу став прекрасной мишенью. Но всё равно шансы осуществить задуманное у него оставались. Следовало лишь преодолеть последний, средней крутизны склон. Но тут уже сразу два камня ударили в спину, вызывая частичный паралич всего тела. Напоследок камень ударил прямо в голову, срывая часть скальпа и лишая сознания.

Вот тогда уже Арис рухнул как подкошенный, покотившись вперёд, с довольно крутого склона. И наверняка не слышал, как радостно завопили преследователи. Бессознательное тело скатилось вниз и распласталось на небольшом козырьке, шириной в несколько метров. Загонщикам только и оставалось, что аккуратно спуститься, заарканить пленника, связать ему руки и вытащить наверх. Никто не сомневался, что он ещё живой и вполне сгодится для пыток. Да и шаман рядом, легко оживит полумёртвое тело. Поэтому все удивились, что распластанное тело вдруг легко поднялось и стало неуклюже топтаться на месте. Ткнулось окровавленным лицом в скалу, затем пошатнулось пару раз,

готовое вновь свалиться, а руки стали подниматься, чтобы протереть залитые кровью глаза.

– Схватите его! – опять загредел голос шамана, поспешно опускающегося на землю. – Арканами! Быстрей, не то свалится вниз!

Ближайшие из преследователей не успели спуститься к козырьку. Да и пропасть пробоя, пронзающая все три парящих уровня, заставляла их действовать с повышенной осторожностью. Но некоторые всё-таки успели раскрутить свои арканы и метнуть их в сторону пошатывающейся фигуры. Увы, за момент до того повреждённая нога Шенгаута резко подогнулась, не выдержав веса израненного тела. Арис инстинктивно попытался удержаться, сделал два шага вправо, и петли арканов упали на пустое место.

Беглец упал на камни, да так неудачно, что под досадующий стон поселчан прокатился последний метр, на какой-то момент замер в шатком равновесии на самом краю, и...

Всё-таки рухнул в пропасть.

Минуты через две к краю козырька осторожно приблизились шаман и главный огневик посёлка. Всмотриваясь в клубящиеся облака, которые закрывали расширяющийся далеко книзу пробой, они не прекращали разговор:

– Улизнул, гад! – кипятился шаман. – Но я его и оттуда достану! Принесу его голову этой сучке, а потом заставлю её жрать его кишки!

Огневик рассуждал с меланхолией мизантропа, равнодушного ко всему:

– Вряд ли ты отыщешь тело в гигантских манграх. Да и зверушки тамошние ждать не станут, сожрут останки твоего обидчика и не подавятся. Если сам к ним на обед не попадёшь раньше времени... И так ли обязательно издеваться отныне над молодой женой?

– Ладно, её я, может, и прощу... Но уж кости этого ублюдка я должен скормить сольерам!

– Не говори глупостей и не забывай про вольных охотников с Первого. Они ради развлечения пристрелят тебя или твоего бачьяна, и получится, что этот щенок отомстит тебе даже после своей смерти.

– Зато на Втором никого не видно, – тщательно всматривался шаман в показавшийся среди облаков край низлежащего уровня. – И если я проскочу вниз...

– Ради костей погибшего придурка? И с риском не догнать нас? Ну, знаешь ли!..

После чего огневик отстранился от края и двинулся по склону вверх. Шаман ещё покривился с досадой, прорычал забористое проклятие, плюнул вниз и тоже поплёлся следом за приятелем. Месть состоялась, но совсем не так, как ему хотелось бы. И даже над трупом нельзя надругаться, потому что его нет. Но делать нечего, опускаться на поверхность планеты было бы и в самом деле глупо и безрассудно.

Жармин стояла на берегу реки, всматривалась в проносящиеся мрачные воды Таниссы и прислушивалась к шуму срывающегося с края земли Последнего водопада. Точно так же в её душе клубилось горе, хотелось лить слёзы и, словно водопад страшным рёвом, оплакивать свою горемычную судьбу.

Только некому было услышать и уж тем более пожалеть молодую, но истерзанную женщину. Родители погибли, когда ей было пять лет. Остальные родственники угорели во время лесного пожара, когда ей было двенадцать. А не успело Жармин исполниться восемнадцати, как жестоко и подло убили любимого мужа, единственного защитника и опекуна в этом мире. После этого прошло чуть больше года, и вот она уже поругана и обесчещена, избита, ограблена и морально уничтожена, стоит на берегу реки у Последнего водопада и... надеется на чудо.

А может, и не надеется... Просто хочет умереть.

Устала жить, перестала ждать, утратила веру.

Но так хочется чуда. Старики утверждали: кто войдёт в воды Таниссы и вольётся с нею в Последний водопад, попадает в собственное прошлое ровно на пятнадцать лет назад. Только для исполнения этого желания надо истово верить в Светящуюся, молиться ей, привлечь её внимание к себе щедрыми дарами и жертвоприношением.

У Жармин не было ни даров, ни жертвенного барана. И хуже всего – у неё не было веры в богиню. Совершенно. Ни капельки. Ну разве что самая маленькая частичка сознания верила, что можно вернуться назад, спасти родителей, родню, а затем и любимого. Заново прожить эти пятнадцать лет счастливой, здоровой, в окружении самых, самых, самых...

Увы! Не суждено. Наверное...

Женщина подняла свой взгляд к нависающему краю Средней земли, всмотрелась в светящиеся каменные выступы далёкого свода и попыталась рассмотреть лик Светящейся. Многие хвастались, что им это удавалось. Они в тот момент загадывали желание, которое обязательно исполнялось. Главное было не наглеть, как обучили священные фиоллы, желать скромно, в меру, тогда всё получалось.

Несчастной Жармин никогда не везло. Не повезло и сейчас увидеть богиню. Но всё равно она готова была так стоять и ждать вечность. Потому что никуда не спешила, умереть никогда не поздно. Если бы не ветер... Морозный порыв леденящего прикосновения домчался со стороны свинцовой тучи, несколько часов упорно догоняющей остров. Почти догнала... Кажется, руку протяни – и зачерпнёшь густой, чернеющей каши прямо в ладонь... Скорее всего и Нижнюю землю острова снегом припорошит. Всё-таки на этих широтах сейчас зима. А что будет твориться внизу, в болотах и мангровых лесах, представить трудно. Там наверняка несколько часов, а то и дней будет свирепствовать пурга, все засыплет толстым ковром снега и начнётся обычное для болотников наводнение.

«Опять многие погибнут, – вдруг пожалела Жармин совсем незнакомых ей людей. Взгляд опустился ниже, где за кромкой обрыва уплывали вдаль бескрайние леса мангровых гигантов. – У них хлипкие лодочки, утлые шалаши и совсем ненадёжные укрытия в кронах деревьев. Нет никого в этом мире, кому жилось бы хуже, чем болотникам, – и сама себе возразила: – Есть. Это – я. Мне хуже всех, потому что я одна. И потому что сейчас умру...»

Воспоминания о тех, кому хуже всех на планете, неожиданно разбудили в душе не только сострадание, но и жажду к жизни. В сознании появилась мысль:

«Я ведь свободна и могу уйти в другой город. Добраться до пробоя, а там заработать на подъём в Срединные земли. Ведь каких только сказок о них не рассказывают...»

Странно устроена человеческая психика. Только что Жармин хотела умереть, не видя для себя никакой перспективы в будущем, а тут раз, подул ледяной ветер, стало холодно – и расхотелось прыгать в бездушные речные воды. Несуразный испуг вдруг закрался в душу: до водопада совсем недалеко, метров двадцать, но вдруг она сразу утонет? Или зацепится за речное дно? Или течение затянет под камни?

Она не умела плавать, но для задуманного изначально этого и не требовалось. А тут стало очень страшно. Поэтому Жармин шевельнулась, сбрасывая с себя оцепенение и пытаясь шевельнуть окоченевшими конечностями. Она изменила своё решение, но...

Судьба редко меняет предназначенное простым смертным. Озябшее тело не послушалось хозяйку, качнулось совсем не в ту сторону. Ступня, отставленная слишком далеко по склону валуна, соскользнула, и Жармин рухнула в воду.

То, что руки и ноги окоченели, ей скорей помогло, чем помешало: не пришлось панически барахтаться, погружаясь на дно. Лёгкие свело судорогой, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Потому и промчалась последний отрезок реки, не захлебнувшись. Но когда вместе с Последним ухнула вниз, умирающее сознание успело подумать:

«Может, я и вернусь на пятнадцать лет назад...»

О бабушке Марьяне у Дарьи на всю жизнь осталось двойное впечатление. Старую Марьяну, хоть той ещё и шестидесяти не исполнилось, все соседи без исключения называли ведьмой. За глаза, конечно же. Потому что в лицо подобное заявить боялись. А скорее всего стеснялись. Даже маленькие подружки Дарьи, беззаботные и радостные, играя у них во дворе, сразу непроизвольно стихали, а то и старались спрятаться, только лишь старуха появлялась на крыльце дома. В такие моменты подспудный страх овладевал и родной внучкой, хотя она не раз пыталась бороться с ним, убеждая себя, что бабушка самая лучшая и самая добрая.

В том, что бабушку Марьяну побаиваются и считают ведьмой, имелись вполне житейские причины, ни в коей степени не касающиеся фамилии Чернова. Виноватыми считались два шрама. Они делали лицо старушки слишком уж безобразным, отпугивающим, особенно для тех, кто не знал Марьяну ближе. Однако дома, в семье, не было человека милее, роднее и желаннее. Маленькая Даша любила и на коленях у бабули посидеть, и на кровати одной с ней спать, и в игры поиграть, и кушала лучше всего под негромкие Марьянины наговоры и причитания.

А еще маленькая Даша любила слушать сказки. Бабулька не просто умела их рассказывать, она словно жила ими, и при повествовании словно приоткрывала двери в иной, манящий волшебный мир. Причём мир свой, личный, не для всех доступный, словно самой ею созданный.

Став взрослой, да и в девичестве, Дарья не раз читала подобные сказки и поняла, что не такая уж бабушка и выдумщица, а описанные ею миры не столь и фантастичны. Большинство рассказанного можно было почерпнуть в книгах, фильмах, от своих бабушек и дедушек. И всё-таки! Всё-таки там оставалось слишком много загадок и тайн, дивных растений и неведомых зверушек, нереальных персонажей и несуществующих земель. И существовала самая главная тайна, которой бабушка делилась со своей внучкой не раз и не два и которая красной нитью скрепила их особенную дружбу.

– Как умру, Дашенька, постарайся всё сделать, всяко исхитриться, но вот это мраморное яйцо у меня изо рта достать. И припрятать для себя. Потому что оно дарует человеку новую жизнь после смерти.

Так она увещевала в первый раз, когда внучке ещё и семи не исполнилось. Когда та стала взрослеть и задавать вопросы, последовали объяснения:

– Так отец твой и слушать меня не хочет. Не верит ни одному слову. Ещё и ругается... Упустила я его воспитание, упустила... Да и не было меня рядом в тот момент.

Постепенно и сама инструкция применения удивительного, хоть и простенького на вид раритета, закрепились в сознании маленькой девочки. Тем более что дело казалось проще некуда:

– Как только человек осознает смерть свою подступающую, должен положить яйцо в рот и терпеливо ждать. Сам положить, самостоятельно, без посторонней помощи. Если он ошибся с определением своего последнего часа, ничего не случится... А вот если угадал, то его сознание перенесётся в иное тело, в иной мир, и он получит новую жизнь.

И как-то в очередной раз проскочило странное дополнение:

– Или в иные тела перенесётся...

Тогда Дарье уже пошёл одиннадцатый, и она не обратила внимания на дополнение. Но в следующий раз, года через два, поинтересовалась:

– А как это, в «иные тела»?

– Сама толком не знаю, – призналась Марьяна. – Об этом моему отцу его дед рассказывал. Утверждал, что любой человек в любом из миров есть только половинка от единого целого. И порой равновесие вселенной не в силах определить точное место для человека. Тогда его дух оказывается сразу в двух телах.

Самое загадочное в этом признании, как уже потом поняла взрослая Дарья Андреевна Чернова, – это не суть утверждения, а тот факт, что бабушка никак не могла помнить своего отца и серьёзно общаться с ним. По семейным хроникам, тот погиб на войне, когда его маленькой дочурке Марьяше исполнилось всего пять лет. А до того он три года воевал, ни разу не выбравшись домой на побывку.

Всё это вспоминалось и сопоставлялось гораздо позже, в зрелые годы.

В детстве и в юном возрасте Дашеньки бабушка старалась методично вдолбить в голову внучки тот факт, что кусок полированного в виде яйца мрамора – не что иное, как уникальный магический артефакт:

– Причём не простой, а умеющий раздваиваться. А потом опять и опять, и так – до бесконечности. Потому что, когда человек уже умер, изначальный артефакт остаётся у него во рту. Сознание тем временем переходит в иное тело, человек осознаёт себя, осматривается и... При этом мраморное яйцо оказывается зажатым в левой ладони.

Дарья уже отлично соображала, поэтому быстро и верно подсчитала:

– Но тогда подобных раритетов должно быть видимо-невидимо! В каждом доме, в каждой семье. Почему этого нет?

– Причин много, – пустилась в рассуждения старушка. – Тайна, неверие, утеря, порча, несчастные случаи, ошибки... Изначально артефактов тоже не должно быть много, ведь получающий вторую жизнь попадает в тело молодой особи, сознание которой в тот момент погибает, освобождая место для нового. Если все умирающие люди будут так перевоплощаться, для них просто не хватит тел.

Подобную арифметику, как понятия о геометрической прогрессии, девочка уже к тому времени усвоила в школе. Так что доводы ей показались вполне логичными. Умерших за историю скопилось бы многократно больше, чем имелось погибших молодых людей, и что тогда? Создавались бы страшные очереди длиной в тысячи лет? В самом деле, нонсенс получится.

Ну и по поводу необходимости сохранения тайны Дашенька согласилась. Ведь многие захотят прожить вторую жизнь, а посему могут украсть мраморное яйцо или забрать его силой. Несправедливости в мире хватает, это и ребёнку ясно.

– А ты меня найдёшь? – сомневалась девочка.

– Если окажусь в нашем мире – то обязательно! – утверждала Марьяна. – Вон какая связь налажена, сразу отыщу. А там и свидимся обязательно. Ты только наши договорные пароли не забудь.

Вот так и получилось, что сказочная тайна глубоко запала девочке в душу. Она твёрдо уверовала, что любимая бабушка не умрёт, а где-нибудь обязательно возродится. Да и было весьма интересно: в чём это выразится конкретно? Сумеет ли бабушка потом связаться с любимой внучкой, находясь в ином теле? Другой мир, не другой... А вдруг?

Тем более что старушка с возрастом семейный раритет таскала за собой постоянно, по возможности – прямо в ладони. А если куда и укладывала, то в самый удобный карман на одежде. Приговаривала при этом частенько:

– Никогда не известно, когда и для кого пригодится...

Похоже, она не против была помочь любому умирающему в его последний час. При условии, конечно, что семейную тайну удастся сохранить от посторонних.

Что ещё она утверждала, так это про нежелательность самоубийства. Тогда, мол, сознание может навечно исчезнуть, и никакой раритет не поможет возродиться заново. Да, наверное, оно и правильно получалось, тоже мог бардак получиться. Не понравились человеку обстоятельства, навалились обиды и разочарования, а он нет чтобы бороться, взял да и спрыгнул. В прямом смысле этого слова: яйцо в рот, а сам с десятого этажа – прыг. Тогда уж точно никаких тел не напасёшься.

Увы, никому помочь баба Марьяна так и не смогла. Мало того, и сама воспользоваться артефактом не сумела. Потому что погибла глупо и неожиданно. Гладила вещи на доске и заметила, что контакт в утюге пропадает во время движения. Индикатор то горит, то гаснет. Она в недоумении чуть-чуть пошевелила провод у самого входа в устройство... Ее током и убило.

Сама не своя от шока семнадцатилетняя Дарья Чернова все-таки сумела отыскать в одежде бабушки мраморный раритет и припрятать его среди своих вещей.

...Прошло много лет. Воспоминания поблёкли, стёрлись временем и событиями. Уроки любимой бабушки стали похожи на одну из многих ею рассказанных сказок. Жизнь Дарьи складывалась не просто хорошо, а шикарно. Дарья освоила сразу три ценных и уважаемых профессии, умела ладить с людьми и блистала

дипломатическим талантом. Популярность у мужчин позволяла Даше вертеть ими с особой изобретательностью. Дни были насыщены спортом, профессиональными достижениями, любовными приключениями, путешествиями, интересными встречами и почти всеми доступными для человека удовольствиями. Спала она очень мало: пять, максимум шесть часов в сутки, еле-еле успевая справиться с текущими и с далеко простирающимися планами.

Доживи Чернова до глубокой старости, наверняка бы и не вспомнила перед собственной смертью о доставшемся ей наследстве. Увы, трагические обстоятельства сложились гораздо раньше.

Ей шёл пятьдесят третий год, когда во время бурного секса с официальным мужем она провалилась в мутную зыбь обморока. Очнулась в госпитале, в окружении врачей и родственников, которые почему-то избегали смотреть ей в глаза, хотя и твердили все как один: ничего страшного, простое переутомление. Её выписали домой, обязав ежедневно приходить на длительные, как сказали, восстановительные процедуры.

На самом деле её продолжали интенсивно обследовать и лечить. К сожалению, ничего не помогло. Приблизительно через месяц Дарья всё-таки узнала от коллег страшную правду и приговор для себя: у неё обнаружена неоперабельная опухоль головного мозга.

Жить больной оставалось три, максимум четыре недели.

Именно во время этой отсрочки Дарья и вспомнила сказки бабушки Марьяны. Отыскала в своих вещах мраморное яйцо и, уже не выпуская его из левой ладони, стала ждать приближения смерти.

Ей пришлось столкнуться с недоумением родных и показать твёрдость характера. Родственникам она не собиралась раскрывать тайну, сказала лишь, что мраморный амулет – память о любимой бабушке, и потребовала, чтобы не смели забирать предмет во время учащающихся обмороков. Врачи поддержали пациентку, посоветовав родне уступить в такой малости и не нервировать умирающую.

Дарью Андреевну оставили в относительном покое. А она продолжала наводить порядок в своих воспоминаниях, выстраивая их в идеальной последовательности, словно готовя для прощального парада. Особое место в этой армии занимали воспоминания о бабушке. В них оставались два до сих пор непрояснённых обстоятельства, которые добавляли интриги в существующую тайну.

Первое, о чём пару раз проговаривалась и сама Марьяна Чернова: её беседы с отцом. Подкидышем она не была, никто её не усыновлял, отчима тоже не имела. Значит, могла говорить с ним только в одном случае: проживая другую жизнь...

Конечно, домыслы ничем не подкреплялись, но... Для умирающего человека они выглядели единственно верными.

Второе обстоятельство казалось более существенным.

Шрамы бабушка получила в тридцатилетнем возрасте, попав в железнодорожную катастрофу. В неразберихе спасатели вообще посчитали её мёртвой, достали из покорёженного вагона и отложили к трупам. Но она стала шевелиться, подавая признаки жизни. Оказалось – сильнейшая контузия. Шрамы на лице так и остались уродливым напоминанием о трагедии.

После катастрофы баба Марьяна долго лечилась и получила инвалидность. Ей пришлось заново учиться говорить, читать-писать. Она не узнавала сына с мужем и маленьких дочерей, словно заново знакомилась с домом и разными бытовыми мелочами.

«Это она вживалась в новый для неё мир! – свято уверовала Даша, когда закончила приводить в порядок воспоминания и просмотрела принесённые ей тетради с мемуарами уже ушедших из жизни родственников. – Но почему же она мне в этом не призналась? – И сама же себе отвечала: – Потому что умирать не собиралась. Несмотря на изувеченное лицо и постоянно носимый с собой артефакт, вела очень активный образ жизни, выглядела живо и бодро, запросто прожила бы ещё лет двадцать. Она частенько повторяла в свои последние месяцы: «Ещё не всё тебе рассказала, лапушка, много страничек моей личной сказки ты не дослушала, любимая Дашенька!...»

Дарья тогда заканчивала школу, влюблялась, спеша урвать всё, что можно и нельзя от первых опытов взрослой жизни, и была признательна судьбе, что оказалась дома во время трагедии и успела забрать бабушкино наследие.

Возможно, что все мысли смертельно больной женщины не стоили и ломаного гроша. Но она так сильно поверила в воскрешение после смерти, что перестала бояться, успокоилась, стала приветливой и милой со всеми, кто к ней приходил. Ни разу не всплакнула и не предалась панике, чувствуя приближение очередного обморока. Всплески боли внутри немого тела воспринимались ею невероятно стойко, отстранённо, словно это происходило не с ней. Дарья Андреевна чуть не стала сенсацией, прожив раза в два дольше, чем ей отводилось самыми титулованными академиками. Кто-то из них даже заикнулся о чуде выздоровления, но...

Исцеления не произошло.

Дарья Андреевна Чернова всё чаще и чаще проводила время, держа мраморную реликвию если не во рту, то в кулаке, прислонённом к щеке. Она даже подумывала о том, как бы ускорить свою несомненную кончину. Вроде и способ имелся простейший: «уронить» яйцо в гортань и банально задохнуться. Но бабушкины слова будили сомнения.

Вскоре судьба сжалась. Несмотря на хорошее самочувствие, дающее надежду протянуть ещё не меньше недели, Дарья почувствовала, что время пришло. Она позавтракала, умылась с помощью сестрички и, когда та ушла, привычно засунула яйцо в рот.

Вот тут и началось! Тело сковал болезненный паралич. Ни пальцем нельзя было шевельнуть, ни глаза закрыть, ни вздохнуть. Прохладная поверхность мрамора словно превратилась в расплавленную сталь и ухнула вначале в гортань, полилась в пищевод и желудок, а потом сжигающим потоком ринулась по кровеносным сосудам и нервным окончаниям. Если бы Дарья знала, что это настолько больно и мучительно, могла бы и не решиться на возрождение.

Казалось, боль будет длиться вечно, всё резко закончилось, и мир больничной палаты померк, истаял в пространстве. Пред глазами замелькало, стали прорисовываться картинки нового мира.

Именно картинки!

Не одна, а сразу две, реалистичные и целостные!

Глава 2

Всё смешивалось в голове, путая и пугая. Дарья словно раздвоилась и наблюдала, как на первой «картинке» кто-то падает в облако, а на второй – несётся вниз с потоком пенящейся воды. Ощущения обоих незнакомцев Дарья воспринимала, как свои собственные. «Первый» видел в прорехах облаков, как земля стремительно приближается, и понимал: гибель близка. Окунувшись в невесомый водянистый туман, он не сомневался – вот-вот последует удар и смерть.

«Второй» успел рассмотреть сквозь массы пенящейся воды зелёный покров леса и тоже осознавал приближающийся неминуемый удар.

В следующий момент «первый» попал в разрыв между облаками и успел заметить пронёсшийся мимо... край земли. Дальнейшее падение продолжилось в пропасть. Сознание бесстрастно зафиксировало, что пропасть кончилась и снова открылось свободное пространство. По сторонам просматривались новые земли с обработанными полями на равнине, город и солидная толпа людей на краю... Очередной пропасти?!.

«Второй» к тому времени уже явственно рассмотрел приближающиеся исполинские деревья и ждал смерти. Он всем телом сжался в комок, сгруппировался, с удивлением ощущая нечто, зажатое в левой ладони. Затем пенящаяся вода вокруг него стала уплотняться, давление резко возросло.

«Первый» сжался в ожидании предстоящего удара, но его не последовало – падение продолжалось! Вторая стена пропасти закончилась, и вновь внизу показалась... земля?!. Снова?!. Родилась мысль: «Не иначе как я падаю сквозь какие-то миры, и падение может быть вечным. Надо выбрать что-то одно и остановиться...»

«Второй» чувствовал, что уплотнившаяся вода, пусть и бурлящая от пузырьков воздуха, сдавила его со всех сторон, словно гигантским прессом. Но появилась правильная мысль: «Желательно не дышать! Тогда выживу!» Здравый смысл подсказывал, что падение удачно закончилось в каком-то озере, реке или водохранилище. А уж плавать Дарья Андреевна Чернова умела великолепно.

В это время «первый» вырвался из облачного слоя и уже чётко рассмотрел под собой сплошное пространство приближающегося леса. Очередной пропасти в нём не наблюдалось. Руки машинально улеглись крест-накрест на груди, правая попыталась нащупать кольцо. Увы! Кольца не оказалось, как и парашюта за спиной. Двадцать восемь прыжков, совершённых Черновой в той жизни, тут не котировались. Зато в левой руке она чётко ощутила твёрдый предмет.

«Неужели мраморное яйцо?! – молнией мелькнуло удивление. – Только почему оно такое маленькое?..» Ладонь после этого сжалась намертво. Хотя сознание вдруг запоздало начало вопить: «В рот! В рот засунь, дура! Сейчас же разобьёмся!..»

Та же подсказка мелькнула одновременно и в голове у «второго». Но как ею воспользоваться, находясь на внушительной глубине и боясь разжать губы даже на мгновение? Тем более что давление перестало нарастать, и интенсивно заработавшее ногами и руками тело начало всплывать. Пришлось бесконечно долго рваться к тусклому, сумрачному дневному свету. Но сила воли помогла, удалось всплыть и не захлебнуться. И даже весьма быстро отдышаться, а затем и проморгаться, чтобы осмотреть всё вокруг и над собой.

Небольшое пенящееся озеро, метров сорок в диаметре. Вокруг него – исполинские деревья. Над ними наплывающая чёрная туча, грозящая не то грозой, не то ураганом. И чуть дальше уплывающее по небу гигантское чудо. Увиденное никак не могло сразу уместиться в сознании. Три толстенных, метров по триста-пятьсот платформы, парили в пространстве, словно мираж. До самой нижней было не меньше километра, между ними – около пятисот метров. Нижние поверхности второго и третьего уровня ярко светились, испуская белесый свет.

Самым захватывающим зрелищем были два водопада. Один лился с верхней платформы на вторую. А другой, ещё более многоводный и величественный, срывался уже с нижней платформы и кипящим шлейфом водной кометы низвергался вниз, на исполинские деревья леса.

«Может, сейчас я тоже на очередной платформе? А там, вверху, – осколки иных миров, на которых мне не удалось задержаться?..» – На этом месте обе картинki размылись, и сознание Черновой осталось в теле «первого», который продолжал падать.

«Первый» не ударился о ветки. Озера или реки под ним не оказалось. Но когда до крон оставалось всего метров сто пятьдесят, навстречу падающему телу снизу ринулись с реактивной скоростью серые полуметровые клубки. За ними тянулись почти невидимые серые нити. Клубки встретили падающего человека, раскрывшись цветками взрывов, и враз укутали его непрозрачным коконом прочной паутины. После чего с дёрганием во все стороны началось резкое торможение. В какой-то момент Чернову чуть не разорвало на части внутри кокона, а потом опять подбросило вверх.

Такой экстрим Дарье Андреевне оказался знаком по прошлой жизни. Подобное называлось банджи-джампинг и доставило в своё время немало удовольствия. Здесь – спасло новую жизнь. Хотя и не факт, что надолго. Потому что поскрипывающий кокон сковал малейшее движение и своей структурой навевал на весьма неприятные предположения:

«Если есть паутина, то наверняка и пауки отыщутся. И, к сожалению, эти существа ловят своих жертв не для совместного чаепития».

К животным и к насекомым Чернова относилась спокойно. Она никоим образом не принадлежала к той категории дам, которые визжат при виде маленькой мышки или покрываются потом от вида пробегающего таракана.

К паукам женщина резонно относилась как к самым полезным на земле насекомым. И с самого детства возмущалась стихотворной сказкой какого-то идиота, прославлявшего навозную Муху-Цокотуху, разных букашек и малярийных комариков. Куда как справедливее было прославлять подвиг паучка, боровшегося со всякой гадостью.

Наверное, поэтому одной из второстепенных профессий Дарьи Андреевны стала эпидемиология. Нельзя сказать, что она была известным или авторитетным специалистом на этом поприще, но основы и теории изучила крепко и практикой

могла похвастаться немалой. А уж насекомых как класс она изучила вдоль, поперёк и в глубину. Помимо этого Дарья получила и медицинское образование по специальности «хирург». Но всё-таки истинным призванием, делом всей своей жизни всегда считала профессию фармацевта. В этом она достигла истинных высот, изучив и все иные науки, сопутствующие фармацевтике.

...Сейчас, когда кокон почти замер на месте, лишь слегка покачиваясь в воздухе, Черновой больше всего могли помочь знания энтомолога. А они твердили: если паук не станет сразу есть добычу, значит, отложит личинки сквозь небольшое отверстие среди нитей паутины.

Но в любом случае – что так, что этак – новая смерть. О том, что паутина создана человеком и служит спасательным средством для всех падающих с неба людей, Даша даже не мечтала. Потому что ни городов, ни посёлков не заметила. А что могут сделать дикари, обитающие в дремучем лесу? Да ничего... Разве что попытаются отбить добычу у пауков, чтобы потом самим же её и... схарчить.

Закон джунглей. Правила первобытного выживания.

Значит, следовало изогнуться, напрячься, но сделать так, чтобы мраморное яйцо вновь оказалось во рту. Тем более что от сжатого кулака на груди до губ оставалось десять, максимум пятнадцать сантиметров.

В том, что при смерти этого тела сознание перенесётся в новое, Дарья Андреевна не сомневалась. Теперь уже точно не сомневалась!

Несколько напрягала картинка «второго», сейчас совершенно исчезнувшая. Но мало ли какие накладки совершаются во время переселения душ? Да и потом будет время об этом подумать, в спокойной обстановке и в более безопасном месте. Сейчас же требовалось приложить все усилия для дальнейшего выживания.

Кокон задергался, затрясся, человек внутри извивался в попытках чуть сместиться, стать тоньше и гибче. Начало получаться. Руки оставались прижаты к груди. Правая отталкивала толстый, скрипящий слой паутины, а левая – продвигалась к подбородку, а затем к губам.

Какого-то отвращения к незнакомой субстанции вокруг не было. Скрипящая паутина приятно, мягко и упруго прилегалась к коже, не вызывая раздражения. Не лезла в рот, нос и уши, не мешала открывать глаза. Видимо, эволюцией паучьего племени делалось всё возможное, чтобы пойманная жертва не умерла как можно дольше, оставаясь живой консервой.

Некоторые болезненные ощущения и кровь на лице были логично соотнесены Черновой к физическим повреждениям полученного ею тела:

«Несомненно, что прежняя хозяйка погибла, иначе меня в данную оболочку судьба подселить никак бы не смогла. Смертельные раны при этом залечиваются, но некоторые повреждения всё-таки остаются. Шрамы на лице бабушки Марьяны всю оставшуюся жизнь ей изуродовали».

Размышляя и продолжая интенсивно дёргаться, Дарья всё-таки сумела протолкнуть мраморный артефакт в рот. После этого у нее вырвался произвольный, зато довольно громкий стон полного удовлетворения своими действиями. Теперь повторная смерть была не страшна.

От потраченных усилий кокон слегка раскачался, подвешенный на нитях, став похожим на колыбель. Если бы ещё забыть про сопутствующие обстоятельства и новый мир – можно было бы и вздремнуть. Внезапно новое и весьма неприятное ощущение вдруг навалилось на Чернову предчувствием какой-то беды. Ещё не осознавая, какая конкретно неприятность с ней произошла, женщина как-то сразу поверила в сам факт чего-то страшного:

«Со мной что-то не так!..»

Попытки разобраться были прерваны самым грубым и неприятным образом: что-то угловатое ткнуло со спины в районе правой лопатки. Да так больно, что пленница застонала, вначале чуть не выплюнув яйцо, а потом им чуть не подавившись. Она произвольно задёргалась, не в силах спокойно перенести подобное надругательство.

Тут же в ответ снизу раздался восторженный вскрик. «О-о-о!» Тут же последовал второй тычок, на этот раз чуть ниже спины, и после очередного мычания жертвы, радостный вскрик: «Ха-ха!»

«Значит, на этой земле, на дне всех пропастей, всё-таки есть люди! – обрадовалась и Дарья, припоминая этапы-картинки своего странного падения. – Может, они не дадут меня на съедение паукам?..»

Тогда как снизу раздалось вполне человеческое, но непонятное восклицание:

– Байдабаду? – с явно вопросительным оттенком, явно мужским голосом. Потом ещё более непонятное, но вполне раздельное: – Гар радик ици?

Знавшая четыре иностранных языка, Чернова поняла, что немедленного взаимопонимания с местными аборигенами не получится. Но хуже всего, что извечный женский страх подсказал ей дальнейший ход развития событий: надругательств, вкупе с изнасилованием, ей не избежать. Это бабушке Марьяне повезло, она сразу вселилась в тело пострадавшей в катастрофе женщины, оказалась в цивилизованном обществе, где женщин уважают.

«А что взять с дикарей? – задрожала она от страха. – Кошмар! Вот это я влипла! Лучше попросту подавиться этим чёртовым артефактом!..»

Снизу, не дождавшись внятных ответов на свои вопросы, кто-то вновь больно ткнул закутанную в кокон жертву и стал ругаться. Ему вскоре ответил второй мужской голос, за ним и третий. Что-то заскрипело, кокон дёрнулся и стал смещаться в сторону.

Пленница окончательно впала в уныние. В отчётливо доносившемся говоре не было ни единого понятного слова. Тарабарщина на каком-то папуасском, точнее говоря, древнегреческом языке. И самое печальное – состав «спасателей»:

«Мужики... Много... Придётся давиться...»

Хотя как медик Дарья Андреевна понимала и другую опасность при попытках удушения: яйцо может попросту проскользнуть в пищевод, и тогда принятое решение всё равно не спасёт. А чтобы не произошло произвольного заглатывания такого большого предмета, следовало самой себе передавить горло.

Сложно? Да не сложнее, чем перенести предстоящие надругательства. Тем более что левая рука уже находится в удобном положении, на самой гортани.

С самоубийством следовало поспешить, потому что аборигены уже сняли кокон с нитей и кантовали его руками. При этом они одобрительно гоготали, ощупывая и похлопывая доставшийся им трофей в разных местах. Вот разве что толстенный слой паутины не давал им возможности чётко определить качественную ценность доставшейся им пленницы.

Дарья решила поторопиться, постаралась как следует обхватить себя пальцами за горло, и тут её накрыло осознанием. Она поняла, что с ней не так! Тыльную сторону левой ладони что-то оцарапало! И этим была самая натуральная щетина! И кому она могла принадлежать – долго гадать не приходилось.

Уж в мужской небритости Чернова разбиралась отлично! Потому что терпеть не могла бородатых и тем более небритых. Своими колючими харями они всегда умудрялись расцарапать нежную кожу её лица во время поцелуев, за что бывали безжалостно изгнаны из жизни дамы, знающей себе цену и не терпящей подобного неудобства во время интимной близости.

В данном случае Дарья сразу определила возраст щетины: максимум двое суток. И при этом правая рука, остающаяся на груди, уже довольно интенсивно ту самую грудь ощупывала.

«Бородатая плоскодонка! – всё-таки осознать себя мужчиной Чернова себе не позволяла. – Да мне теперь только в цирке выступать!»

У неё в голове не укладывалось, как это можно не быть женщиной. Да она категорически не хотела бы такой несчастной доли для себя. Так как опустить руки к паху никак бы не получилось, Дарья всё продолжала ощупывать мужскую, довольно мускулистую грудь, противную щетину на подбородке и щёточку прорастающих усов на верхней губе. Паника нарастала даже большая, чем при опасности быть изнасилованной:

«Да лучше повеситься, чем быть мужиком! – вопило уязвлённое самолюбие. – За что на меня такая напасть свалилась?!»

Но ощупывания, пусть и стеснённые мешающим коконом, подтверждали первые выводы. А здравый смысл и логика упрямо твердили одно и то же: «Ты – мужчина! А раз так, то тебя никто насиловать не станет. Поэтому не вздумай помирать, жди. Повеситься никогда не поздно, успеешь!»

Да и действия аборигенов – может, и в самом деле папуасов? – пока особой агрессией не отличались. Похоже, что они подвязали кокон к чему-то, а потом понесли его с кряхтением и ругательствами, которые не требовали перевода. Стандартные выражения обценной лексики в любом языке опознаются по интонации.

Чернова, постепенно успокаиваясь, продолжала размышлять и над своей судьбой, и над бабушкиными рассказами, и об окружающей действительности:

«В самом деле, спешить некуда. Не то меня ещё куда похуже зашвырнёт после смерти в этом теле. Хотя... что может быть хуже, чем стать мужиком?.. Особенно в моём возрасте?.. Кстати, бабушка упоминала, что порой сознание раздваивается, попадая в разные половинки одного целого. Но тогда получается, что вторая картинка, которую я наблюдала, будучи в потоке падающей воды, связана со мной? Тогда почему обозрение прекратилось? Ага! Точно! Если то тело падало в водопаде – могло и погибнуть... С этим моментом всё понятно... А вот куда меня несут? И почему не стали разбираться или выпутывать из паутины на месте?..»

Подсказку дали знания энтомолога. Паутина как таковая – продукт невероятно ценный вообще. А уж данная, которой можно ловить падающие с огромной высоты предметы, – и подавно. Будь местные дикари даже самыми отсталыми и неграмотными, всё равно должны понимать важность и незаменимость таких вот созданных природой девайсов. И наверняка они давно делают из паутины верёвки, покрывала, одежду и массу иных полезных в быту мелочей. То есть все нити надо аккуратно распутать, уложить, намотать, а не порезать на мелкие кусочки, теряя в качестве и прочности будущих изделий.

Размышления успокаивали, кокон дёргался и раскачивался, ругань поутихла, сопение с кряхтением усилилось. Да и вся дорога уложилась, по примерным ощущениям пленницы, в четверть часа. После чего слышались явно детские вопли, а потом и женские голоса с вопросительной интонацией. Запахло костром, пищей, неким отголоском скотного двора.

Оптимизма у Черновой прибавилось:

«Может, зря боялась? И никто бы меня в обиду не дал? Ведь довольно часто в отсталых общинах и анклавах царит матриархат... Хотя не факт, что правительницы племени могут оказаться мирными, добрыми и пушистыми. Вдруг они как раз деловито интересуются у добытчиков, с каким соусом приготовить доставленное мясо?..»

Гомон вокруг усилился, а там и кокон пару раз грубо дёрнули, на что-то зацепили и стали погружать в тёплую, маслянистую жидкость. Дарья не столько испугалась, сколько возмутилась: неужели дикари решили сварить трофей в бульоне, прямо вот так? В остатках одежды и вместе с коконом? Вполне естественно, что следовало выказать недовольство в той же обценной лексике, но ничего, кроме мычания, не получилось. Ну и задёргаться вышло, показывая, что живая.

Тем не менее снаружи услышали, увидели и поняли опасения пленницы. Тут же гомон утих, а один женский голос что-то проговорил. Судя по интонациям: строго и успокаивающе. Так примерно обращаются к ребёнку, который капризничает и не хочет умываться.

«Ладно, утопят или сварят, всё равно, – смирилась Дарья, перестав мычать и трепыхаться. – Яйцо у меня во рту, а это бородатое тело мне всё равно не нравится».

Вера в иное возможное переселение у неё стала незыблемой и окончательной.

Папуасы, или кто они там, не стали топить свой трофей с головой. Наверняка разобрались, где у него верх, а где низ. И со спиной не сомневались. Затылок иномирянки упёрся в какой-то мягкий валик, и лицо осталось над поверхностью окружающего бульона.

Сам бульон стал заметно и быстро нагреваться. Но Дарья только обозначила первые свои движения, как вновь над ухом раздались непонятные, но явно успокаивающие слова. Пришлось вздохнуть и уже смиренно ждать своей участи.

Стало довольно горячо, но потом нагрев приостановился на терпимой отметке, а по всему кокону стали ощущаться лёгкие толчки и подёргивания.

Да и возобновившийся женский гомон вокруг подсказал, что женщин не меньше десятка, и все они занимаются делом. То есть распутывают, расплетают или ещё как-то пытаются разобрать кокон на составляющие его нити. Предположения энтомолога оказались верны.

С полчаса длилось это кропотливое мероприятие. Затем довольно острые крючки стали доставать до тела. А там и целые участки кожи оказались открытыми, потому что от одежды оставались одни обрывки, которые тут же беспардонно отрывались и отбрасывались в сторону.

«Где же это тело носило? – размышляла Чернова. – И в каких пертурбациях оно побывало?..» – и замерла, окаменев в напряжении и перестав дышать.

Женские ручки наконец добрались до паха. Гомон усилился. Одежду и оттуда бесцеремонно убрали, а особо бесстыжие руки потеребили мужское достоинство. Скорее всего оно оказалось никакое, скукоженное и маленькое, потому что женские голоса дружно перешли в смех и весёлый гогот.

Дарья же от новых, незнакомых ей ощущений в ужасе замычала. Не будь яйца во рту, слова разнеслись бы сродни мыслям:

«Блин! Всё-таки я – мужчина! Какой позор!.. Обломиться и не срастись!.. Мамочка, роди меня обратно!..»

Увы! Мамочка её не слышала. Родиться обратно в собственном теле не светило. И женщина, прожившая пятьдесят три года с осознанием своего несомненного преимущества, вдруг ощутила себя осквернённой, униженной, поруганной и втопанной в нечистоты. Нет, мужчин она в своей жизни любила, обожала, но вот стать одним из них или хотя бы на часок оказаться в его шкуре не мечтала ни разу. Даже в болезненных кошмарах ей такое не могло привидеться.

Она – прекрасная, достойная и гордая женщина! Всегда покорявшая мужчин богиня! И вдруг превратилась в такое же, как они, ходячее недоразумение?! Поневоле от такого стресса можно с ума сойти.

«Фу! Какая же это мерзость! – крутились в голове мысли, полные отвращения к самой себе. – Как они вообще живут-то?.. И вообще, не пора ли помирать?..»

Потому что факт погружения моего сознания в тело мужика – уже повод для самоубийства. Пусть и не станут местные дикари насиловать, но... Блин! Лучше бы меня изнасиловали!..»

Ну да, присущая женщине логика рассуждений осталась, несмотря на мужскую оболочку.

Местные жительницы завершали свою работу по освобождению трофея из кокона. В районе лица они своими крючками не тыкали, зато чуть слуха не лишили, попадая в уши. Остальному телу тоже изрядно досталось, когда покров истончился и стал сниматься целыми кусками. Руки пленника стали практически свободны, и вот-вот проворные женские пальчики собирались и лицо ему открыть.

Перед Черновой встал жёстко вопрос: что делать с артефактом? Как поступят аборигены? Сразу убивать пленённое тело или подвергать мучениям вроде не должны, если судить по мирному, весёлому, если не сказать, фривольному тону и поведению окружающих... А вот если трофеем продолжит мычать в ответ на естественные вопросы, могут такое поведение истолковать неверно. Не раскрывая рта, одними жестами не объяснишься. Да и улыбнуться дружески – никак не получится. Неуважение и гордыня чужаков осуждаются даже самыми миролюбивыми племенами.

С другой стороны, удастся ли незаметно сохранить спасительный кусочек мрамора в руке? Потому что даже остатки одежды, куда можно было бы хоть что-то спрятать, безжалостно отрезались и отбрасывались. Оказаться без яйца означало только одно – остаться в этом мире и в этом теле навсегда. До самой смерти. А та могла прийти ежеминутно.

Но всё равно Дарья решила зажать артефакт в ладони. В самый последний момент успела. Затем замерла, чуть ослеплённая ярким светом после снятия плотного куска кокона с лица. Не ощутив в свой адрес никакой агрессии, распрямила долго согнутые руки, шевельнула затекшими плечами, спешно стараясь проморгаться заслезившимися глазами. При этом ощущала шлепки ладоней по открытому телу, которые носили явно подбадривающий характер. Кто-то ткнул в правую руку и громко воскликнул:

– Арис Шенгаут! – Несколько голосов подхватили эти странные слова, но скорей констатируя или удивляясь. Что они обозначали, Чернова не задумывалась.

Сразу четыре руки интенсивно подталкивали, предлагая сесть.

Получилось. Да и проморгаться в положении сидя не в пример проще. После чего оставалось только осмотреться по сторонам да понять, чего хотят окружающие люди. Ну и классифицировать их как можно быстрее. А это, увы, представлялось сложным по причине разнообразия одежд.

Сразу становилось понятным, что к дикарям или к папуасам местных аборигенов отнести нельзя. Как нельзя и чётко определить историческую эпоху их развития. Уж слишком большое разнообразие царило в одежде, обмундировании, украшениях и даже в оружии. Этакая смесь всех стилей, времён и народов, начиная от Древней Греции и викингов и заканчивая русскими витязями с деталями экипировки войск специального назначения из двадцатого века Земли.

Кирасы, кожаные доспехи, кольчужная защита и шлемы – у мужчин. При этом несколько типов имели на себе жилетки, очень напоминающие разгрузки. Огнестрельного оружия было не видать, зато наборы метательных ножей поражали своим количеством, а топоры и мечи – истинным великолепием, достойным любого музея. Ещё несколько личностей выделялось неким подобием хитонов или тог, присущих жрецам или римским патрициям. У них на головах имелись остроконечные кожаные шлемы самой лучшей выделки, украшенные кусочками стекла.

Среди женщин преобладали одеяния в виде сари, тог, накидок и пончо. Все ткани очень яркие, многоцветные, хотя на вид излишне плотные и тяжеловатые. Были среди женщин и воительницы, тоже одетые кто во что горазд.

Действия происходили на внушительной поляне, метров ста пятидесяти в поперечнике. Она представляла собой холмик, утыканный всюду и особенно по краям низкими приземистыми сараями из камня. Причём возле каждой свободной стены помещения протянулись скамейки из расколотых пополам и тщательно оструганных брёвен. Между сараями, а в особенности ближе к центру поляны, располагались очаги открытого типа с каменными ваннами

и здоровенными медными котлами. Кое-где между ними возвышались каменные идола метра по три высотой, с довольно гротескно обозначенными формами тела и с весёлыми и добрыми, тщательно выбитыми в камне лицами.

В глаза бросились многочисленные открытые навесы с крепкими столами и лавками под ними. Похоже, местные аборигены питались именно здесь, каждый в кругу своих ближайших родственников.

Всё это хаотично застроенное пространство окружала стена деревьев, высотой до пятидесяти метров. На них имелись жилища трёх уровней в виде маленьких домиков, укрытых чем-то поблескивающим, серого цвета. Там же виднелись переплетения многочисленных верёвок, мостков и лесенок.

Ещё сотни верёвок, натянутых, как струны, протянулись из крон до самой земли. На их концах были прочные перемычки, за которые удобно хвататься двумя руками. Эти перемычки оказались вставленными в прочные рогатки на стволах деревьев. Казалось, что именно рогатки не дают верёвкам унести куда-то вверх. Или сами верёвки могли на деле оказаться сделанными из каучука.

Дарья обратила внимание на чрезмерное наличие птиц. Причём птиц, не боящихся людей, не орущих дурными голосами. Они были разных размеров и самых разнообразных расцветок. Некоторые расхаживали среди людей, чуть ли не попадая им под ноги, кое-какие сидели на бортиках каменных ванн, что-то склёвывая с них, другие просто строились на нижних ветках, присматриваясь к действию, как к спектаклю.

Пока Чернова осматривалась по сторонам, ей (или уже правильнее ему?) помогли выбраться из каменной ванны, ноги обули в высокие галоши из серой кожи с завязками поверху, а на плечи накинули пончо, края которого свисали до самой земли. Кто-то дал кусок верёвки, и, подпоясавшись, Дарья почувствовала себя хоть чуточку защищённой. К правой руке тоже присмотрелась: там от запястья и до локтя имелась витиеватая надпись из двух слов. Причём буквы очень походили на странную, смешанную вязь из древнерусских символов и латыни.

«Неужели здесь написано моё имя? – мелькнула догадка. – Тот самый Арис Шенгаут, о котором выкрикивали? Хм, если это правда, то не самое худшее звучание. Знать бы ещё, что оно обозначает в местном языке?..»

Неожиданно женщины и воины расступились, стихли, и к месту событий выступили два старика и две старухи довольно преклонного возраста. Те самые, со стразами на кожаных шлемах.

«Старейшины! – догадалась Дарья Андреевна, стараясь смотреть внимательнее и пытаюсь определить общественный строй: – Разве здесь матриархат? Не похоже... Тогда меня опрашивать пришли бы только старухи. И чего они на меня так уставились?.. Чего ждут?.. Благодарностей... или поклона? Вдруг здесь так не принято?.. Или наоборот – обязательно проявить учтивость? Ладно, поклонюсь, не сломаюсь...»

Дарья постаралась изобразить нечто среднее между кивком головы и поклоном в пояс. Вроде как угадала: все четверо похвально шевельнули бровями и чинно кивнули головами в ответ, но продолжали молчать.

Так что делать нечего, пришлось говорить самой:

– Огромная вам благодарность за то, что меня спасли! Пусть на вашей земле всегда царит мир, счастье и процветание!

Вряд ли хоть слово было понято, зато интонация оценена верно: благодарность поняли и приняли. Потому что одна из старушенций вступила в диалог. Её речь чуть напоминала итальянский, чуть латынь, но ни одного чётко понятного слова.

Затем вторая что-то выдала на более плавном наречии. И наконец, старик пролопотал, употребляя массу шипящих звуков. Но что они спрашивали на своих языках, понять не получилось бы при всём желании. А смутные догадки не следовало принимать во внимание. На любую вопросительную речь приходилось разводить руками, пожимать плечами и смиренно твердить, всё ещё пугаясь своего басовитого голоса:

– К огромному сожалению, уважаемые дамы и господа, но я вас нисколько не понимаю. Придётся мне либо учиться, либо искать тех, кто меня поймёт.

Логику Чернова для такого ответа черпала в следующем: раз перевоплощения между мирами существуют, то хоть какая-то общность в языках может прослеживаться. А здесь – явно не китайский, то есть при старании можно изучить довольно быстро.

Ещё Чернова смогла удивить аборигенов своими попытками общения на иных языках. Но всё, что она знала, не нашло понимания у слушателей. Они отрицательно мотали головами и тоже разводили руками или пожимали плечами. Хорошо хоть система отрицания и утверждения у них полностью соответствовали общепринятым на Земле.

Зато во взглядах появилось уважение и некая озадаченность. И дальше начался диалог, основанный на жестах, ведущий к начинающемуся взаимопониманию. Как бы...

Старушка, похоже, занимающая место лидера или главного переговорщика, стала разгибать пальцы. Другой рукой при этом тыкала то в себя и подругу, то в старца, знающего шипящий язык. После чего уже двумя руками обвела всё вокруг, повторяя несколько раз:

– Клочари! – И ясно так показала, что это не лес, не земля, не деревья, не небо, клочок которого виднелся наверху. Следовало понимать, что Клочари – это и есть весь мир. И в нём существует три языка.

Потом вся ладонь была раскрыта во время тыканья в спасённого мужчину, а мимикой был показан вопрос, выразившийся в любом из следующих предложений: «А где это? Что это за мир? Откуда будешь, братец-кролик? С чего это у вас, где-то там, – целых пять языков общения?»

Честно говоря, имеющая три высших образования землянка не ожидала от местных жителей такого аналитического склада ума. У людей, живущих на деревьях, совсем другие понятия и совсем иные интересы. Непонятен язык, да и ладно! Чего углубляться-то?

Хотя торговля и обмен с иными народами, несомненно, более развитыми, у них налицо. Да и те же разноцветные ткани они не могли окрашивать, вываривая в своих каменных ваннах.

Вполне возможно, в данном мире и существует сегрегация определённого состава населения. То есть здесь, в лесу, могли проживать изгнанники, отторгнутые остальной цивилизацией или отдельными государствами. Может быть, они тут все поголовно грамотны, а некоторые имеют и вполне

академическое образование. То есть если начать врать – потом только хуже будет.

«Да и что врать? О чём? – сама себя вопрошала Дарья, старательно улыбаясь и начав обводить руками некую окружность. – Знать бы ещё, что я за странные пропасти видела, да имеют ли они отношение к данному лесу? Вдруг они встречают всех, кто пролетел через пропасти нормально, а вот сделай я заявление о новом мире, и меня сварят для наваристого бульона? Вроде на людоедов совсем не похожи, но лучше перестраховаться. Точно! Обрисую им пропасти, а там видно будет...»

Вот и взмахнула три раза, обводя руками вокруг себя. А потом каждый раз, показывая падение. Старейшины переглянулись между собой, недоумённо пожали плечами, а потом продолжили объяснения. Жесты вполне понимаемые, как короткие слова:

– Арис Шенгаут! Ты. В этом лесу. В наших домиках на деревьях. Согласен жить? Спать и кушать?

«Нет, сейчас вот всё брошу и пойду бродить по лесу! – ворчала мысленно Дарья. – Нашли дуру-принцессу из «Бременских музыкантов»! Ну и с именем у меня на руке, кажется, угадала!» Вслух она соглашалась, кивала головой, прикладывала руку к сердцу и благодарно кланялась.

Спина не сломается. А местным папуасам понравилось. Они одобрительно закивали и перешли к определению профессиональной принадлежности пришельца. Старушка ткнула рукой в самого экипированного воина, вроде как спрашивая:

– Сражаться (защищаться, нападать, нести службу) сможешь?

Землянка наверняка повела себя более чем странно, потому что ещё никак не освоилась в мужском теле. Распрямила пальцы на правой ладони, потом сжала их в кулак. Согнула руку, присматриваясь к собственным мускулам.

«А ничё такие! – чисто по-женски оценила Дарья. – Парень в спортзале по полдня торчал, не меньше. И ноги!.. Мм! Не иначе как тот ещё бегун... был. Так что могу и защищать или что там они от меня хотят?..»

Потом Чернова поняла, что на неё смотрят как на сумасшедшую, которая подняла края своего пончо вверх и теперь рассматривает свои волосатые ноги, словно увидела их впервые в жизни. Пришлось выкручиваться, показывая жестами нечто нейтральное, переводящееся примерно так:

– Сами видите, какой я сильный мэн! Так что я многое могу.

Тут один из мужчин-воинов подошёл и подал землянке меч. Мол, покажи, как ты им можешь орудовать.

Надо сказать, что Дарья взяла оружие с придыханием и восторгом. Никогда в жизни ничего подобного не держала, зато сколько раз мечтала, как она выхватывает, рубит, косит, валит, побеждает и разгоняет целые полчища орков, гоблинов, троллей и даже разноцветных эльфов. Благо насмотрелась в своё время фильмов в стиле фэнтези, да и книг порядочно прочитала.

Настоящий меч. Красивый. Вроде и тяжёлый на вид, но в сильной мужской руке он показался словно сделанным из картона. Чернова и показала, какая она сильная, лихая и ловкая. Несколько раз ткнула воображаемого перед собой противника, а потом его же ещё и разрубила крест-накрест. При этом остриё меча прошло в пяти сантиметрах от опорной ноги и взрезало утоптаный грунт, как бритва папиросную бумагу.

Вначале все зрители ахнули. Потом впервые заговорил тот старец, что помалкивал. Причём эмоционально заговорил, если не грубо:

– Забери у него меч! Иначе он себе не только ноги отрежет, но и...

Иначе с чего это все грохнули смехом? И только хозяин меча с какой-то детской обидой на лице выхватил оружие, а потом долго и нежно ощупывал кончик меча. Неужели ему не верилось, что он у него такой острый?

Дальше размышлять пришельцу не дали. Следующий воин вложил ему в руки длинное, около трёх метров копьё. И рукой показал на свободный край поляны:

– Кидай вон туда!

Дарья не сомневалась, что с копьем у неё (то есть у него!), да с такими мускулами на руках, получится ещё лучше. Ведь в детстве и юности не раз нечто подобное метала с товарищами и подружками по играм. Да и чем копье сильно отличается от мяча? Только формой? Ха! Поэтому приготовилась, сделала разминочное движение плечом и в три скачка попробовала разогнаться. И кинуть... попыталась. Но странное, слишком гибкое и пружинистое копье прогнулось, зацепилось тупым концом за землю, ещё будучи за спиной, чуть не сломавшись, кувыркнулось и рухнуло всего лишь в пяти, максимум шести метрах.

Опять смех, шумное обсуждение в толпе зрителей и даже свист.

Так что когда приблизился воин с большим, боевым топором, то он его и протягивать не стал новичку. Только строго посмотрел и подбородком вопросительно дёрнул: «Потянешь?»

Чернова сразу догадалась признать своё неумение, помотав отрицательно головой. Да и старец, судья по воинскому мастерству, немедля дал отмашку: «Не давать!» До лука со стрелой вообще дело не дошло, хотя молодой парень, стоявший невдалеке наготове, ловко поигрывал стрелой, вращая её между пальцами. И лук у него имелся ну очень красивый. Но стрелок громче всех смеялся при метании копья, словно не сомневался: воин из пришельца – никакой.

Но на этом выяснение профпригодности не закончилось. Подошёл местный скульптор с молотком и зубилом. Ткнул своим инструментом в идолов, и через губу, с нескрываемым презрением поинтересовался:

– Может, ты вот такие шедевры умеешь создавать?

Скорей всего слова в его короткой речи были иные, но разве это что-то меняло? Вот и Дарья так посчитала, вежливо улыбнулась, мотнула головой отрицательно и проговорила с уважением:

– Куда мне до тебя, местного Микеланджело!

Мэтр ни слова не понял, но тон ему понравился. Он одобрительно хмыкнул, да и отошёл в сторону, с превосходством поглядывая на окружающих. Словно

догадался, с кем его сравнили.

Затем подходила женщина с пряжей из паутины. За ней мужчина-гончар, показавший глиняную миску и небольшой кувшин. Кожевник с куском всё той же серой, поблескивающей кожи. Парень с отрезком плетёной сети. Девушка со смелым взглядом и кривым куском чуть ли не оконного стекла в руках.

Как химик и фармацевт, Дарья смогла бы сварить стекло. Но она сильно засомневалась в практической части производства. А девушка показывала именно осколок, скорей всего найденный. Уточнить по данной сложной теме что-то жестами – лучше и не пытаться.

Больше никто не подошёл. Видимо, санитаров, травников или алхимиков – тут не было и в помине.

И хоть общий гомон оставался без отрицательных эмоций, держать новичка на хлебником никто не вызвался. Старейшины встали в кружок и стали совещаться о доле человека, свалившегося к ним с неба.

А самой Дарье объяснить, что она умеет лечить, вырезать аппендицит (да и не только!) и знает, как сделать массу полезных лекарств, – запрещал здравый рассудок. Мир-то совсем иной. И не факт, что здешние *Homo sapiens* – идентичны во всём землянам. Вдруг у них внутренние органы несколько иначе расположены? Сердце справа? Или печень слева? Или реакция на лекарства не та: дашь какое-нибудь успокаивающее, а оно сразу вызовет инсульт? Или заживляющий стрептоцид инициирует воспаление крови?

Да и не факт, что здешние ингредиенты обладают ожидаемыми от них свойствами. Чтобы их проверить да сопоставить с земными аналогами, нужны лаборатории, оборудование, помощь здешних врачей и аптекарей и... годы, годы, годы... Не говоря уже о совершенном знании местного языка и прочих многочисленных реалий. Жестами можно показать что угодно. Ведь наверняка и тут знахарь имеется, травник, аптекарь, лекарь или как они зовутся. Но! Допустим, удалось убедить, что она знаток медицины. А местные раз, под белы ручки, и в местный лазарет. А там больной неведомой хворью пациент помер через четверть часа после начала врачебного осмотра.

Как на подобное отреагируют аборигены? Уж кто-нибудь да вякнет: «Он убил моего любимого дедушку!» – бабушку, брата, сына, дочь, сестру – нужное подчеркнуть. И если сразу не казнят за враньё, впоследствии кто-то да попытается отомстить за дражайшего родственника.

Так что вначале придётся осторожно вживаться в новый мир, познавать неспешно его реалии, старательно обучаться языку, и только потом задумываться о собственной пользе здесь.

«Знать бы ещё, чем моё здоровенное мускулистое тело может окупить своё содержание? – размышляла Чернова. – Тут ни пашни нет, ни фруктовых деревьев (или есть?). Ни в менеджерах высшего звена, ни в укладчиках асфальта не нуждаются. Только и могут меня припахать в каменоломне, ведь сараи вроде из обработанного камня. Где ещё? Ну да, в качестве носильщика или сборщика хвороста... На что ещё это тело пригодно?..»

По мнению старейшин – будет тело, найдём дело. Потому что, закончив обсуждение, они вызвали из толпы мальчугана лет одиннадцати, максимум двенадцати и несколькими предложениями поставили перед ним задачу. Тот понятно кивал и весьма самодовольно лыбился. Ещё во время этого инструктажа толпа стала рассасываться в стороны, растворяться в лесу. Все поняли, что бесплатное представление окончено, и вернулись к повседневным делам.

Старушка закончила наущения и обратилась к пришельцу:

– Арис Шенгаут! Что он, Гют, что я, Алейрадини. – Она несколько раз тыкала узловатым пальцем то в себя, то в мальчика, и склоняла местоимения: – Что меня, что его ты должен слушаться одинаково! – Дождавшись неуверенного кивка, всё это продублировала ещё и вполне понятными жестами: – Смотри. Учись. Делай, как Гют. Работай. Получай еду и наш кров. Приноси благо нашей общине.

Она ещё что-то добавила, судя по тону, не совсем приятное. А то и угрожающее. Если включить фантазию и попробовать догадаться, прозвучало нечто:

– Тогда и мы тебя защитим! – И уже поворачиваясь: – А не будешь стараться, лес тебя заберёт.

Сказала и ушла за остальными коллегами, не оглядываясь. А Чернова решила, что очень постарается и на ночь голодной не останется. Поэтому с полной готовностью уставилась на мальчишку. Мол, готова к труду и обороне. Всегда!

Гют похвально кивнул и махнул рукой, предлагая следовать за собой.

Но не успела Дарья и шага сделать, как неожиданно стало сумрачно. Хотя за миг до того солнце, стоящее в зените, прогрело всю полянку в толще леса. Землянка, до сих пор так и не чувствующая себя мужчиной, подняла голову и замерла на полушаге и на полувздохе. Да и было от чего впасть в ступор: здешнее светило скрылось за толстенной летающей платформой, очень напоминающей кусок летящей по небу скалы. Причём скала эта протянулась на весь видимый квадрат неба и грозила вообще перекрыть и всё остальное пространство над головой.

Женская сущность и тут проявилась: Черновой Дарье Андреевне стало страшно.

Глава 3

Скалы летают по небу? Нет, конечно! Что тогда такое громадное оказалось наверху? Либо миры столкнулись и сейчас начнётся вселенская катастрофа, либо...

Додумать Арис Шенгаут не успел, его довольно бесцеремонно подёргали за пончо:

– Ей? – Малец ещё что-то возмущённо проговорил. Но землянка спешила ему указать на опасность, тыкая рукой в потемневшее небо:

– А-а? – вполне конкретный вопрос. Только на Гюта вид тверди, занимающей всё большую часть небосвода, впечатления не произвёл. Он постоял, шевеля губами, словно припоминая, а потом выдал какую-то сложную конструкцию из трёх длинных слов и фыркнул. Мол, нечего бояться, всё под контролем. Затем удивился: чего на небо вообще пялишься, если работа ждёт? И добавил явное предупреждение, в виде жеста «кушать!», а потом: «А нет ничего!».

Умный пацан. Быстро объяснил, что конец света – полная ерунда, а вот без ужина остаться – истинная трагедия. Землянке только и осталось, что печально вздохнуть и поспешить за своим малолетним опекуном, учителем, гидом и работодателем.

Они окунулись в сень леса, вошли в глубь его метров на сто и оказались в пустом полумраке. Прямые лучи светила сюда практически не проникали. Всё напоминало шалаш с десятками здоровенных корзин, которые с помощью ремней крепились за спину.

Гют взял для себя три корзины, сложив их одну в другую. Своему стажёру навесил шесть. Взял себе копьё метра три с половиной длины, с гарпуном на конце, точно такое же отдал ученику и первым устремился по тропе дальше. Арису пришлось не отставать, хотя идти с корзинами стало на порядок трудней, да и копьё мешало невероятно. Сама тропа вообще превратилась в сплетения корней, выступающих над болотистой, покрытой ряской чёрной водой. Ещё и запахи пошли чего-то гниющего и противного. Вполне возможно, что сюда стекали отходы жизнедеятельности всего посёлка. Грохнуть в такую клоаку желания не возникало.

Но больше всего Дарье мешало зажатое в левой руке мраморное яйцо. Из-за него ни опереться толком на стволы и ветки, ни копьё перехватить удобнее, а уж если угораздит упасть да уронить – ни в жизнь больше артефакта не сыскать. Хорошо, что женская смекалка помогла. Во время короткой остановки раритет оказался завязан тканью в два слоя и несколькими узлами в край просторного пончо.

Правда, остановкой остался недоволен вернувшийся опекун. Он чуть ли ругаться не начал по причине задержки. Но рассмотрев, что Шенгаут поспешно оправляет перекошенный край своего одеяния, забормотал что-то одобрительное и сам, достав свой уд, принялся отливать в ближайшую болотную лужу.

Судя по его интонации, он говорил:

– Правильно, надо здесь облегчиться... А то там... – Он чётко указал в ту сторону, куда вела тропа. – Нельзя! Понимаешь меня? Никак нельзя! Иначе на запах... – Гют стал раздувать крылья носа, как зверь, вынюхивающий след. – Прибегут... – Шевелящиеся пальцы изобразили краба. – Лонги! У них пасти – вот такие. Зубы –

у-у-у! Как моя кисть. Ням-ням – и нет нас. Понял?.. Вот и давай, отливай здесь!

Попробуй не понять, если так доходчиво и подробно объяснили. Пришлось Дарье Андреевне, отвернувшись от малолетнего опекуна, впервые в своей второй жизни испытать на себе первое из списка «Как это делают мужчины».

Чего уж там скрывать, довелось помогать себе самовнушением. Но по окончании процесса появилось чувство немалого облегчения и был сделан философский вывод:

«Мужчинам всё даётся без труда, лень их когда-нибудь и погубит...»

Перед тем, как двинуться дальше, Чернова попросила мальчика произносить названия всего, на что падал его взгляд, конкретно тыкая пальцем в предметы. Тот понятливо закивал, и процесс пошёл. Даже в таком сумрачном и гиблом месте имелось до полусотни слов, описывающих окружающее пространство:

– Дерево. Корни. Ветка. Копьё. Корзина. Ствол. Пояс. Нож. Рука. Кулак...

Причём малец оказался талантливым педагогом. Повторял по несколько раз, требуя правильного произношения. Был терпелив к ошибкам и не допускал насмешек со своей стороны. Не ленился ткнуть рукой в конкретный предмет, а то и со всех сторон его показать. И после комплекта из двух десятков слов начал их повторять по новому кругу.

Но самое главное, все слова оказались смутно знакомыми. Видимо, в самой памяти полученного Дарьей тела на генетическом уровне сохранились навыки к местному языку. И какими-то импульсами эти навыки подсказывали новому сознанию, как говорить и, в первую очередь, как правильно воспринимать новые слова. Это существенно могло сократить адаптационный период.

Малец тоже кивал на потуги своего великовозрастного ученика очень похвально и, дойдя к месту работы, вполне доходчиво объяснил, что и как надо делать дальше.

Само место показалось необычным, словно не от мира сего. Деревья совсем иные, с более тонкими стволами и чаще расположенные. Последний участок,

протяжённостью в тридцать метров находился выше прежней болотистой местности на пару метров, а корни там стелились таким сплошным ковром, что напоминали грубо сделанную булыжную мостовую. За этой мостовой взору открывался плавно извивающийся поток совершенно чистой, просматриваемой до дна воды.

Судя по жестам, вода питьевая, но полная опасностей. Она текла со скоростью пешехода, хотя никаких перепадов высоты невооружённым взглядом не наблюдалось. Глубина потока – метра три, ширина – до восьми.

Гют старательно разъяснял разницу между рекой, протокой и чем-то рукотворным. И в переводе получалось, что называлось сие чудо каналом, а полоска леса с двух сторон – набережной.

По дну и по боковым стенам канала довольно шустро передвигались какие-то улитки, величиной с голову взрослого мужчины. У них неплохо получалось смещаться и против течения. Они имели своё особое название, но землянка всё равно перевела его для себя как «улитка». Вот именно они и составляли главную цель всего здешнего промысла.

Следовало удобно встать на берегу канала, медленно опустить копьё с гарпуном на глубину, примериться и быстро проткнуть одну из улиток. Затем плавно вытащить её из воды и резким движением копья стряхнуть добычу в заранее расставленные корзины. У мальчика это получалось великолепно: ловко, расчётливо, с экономией усилий.

Особая инструкция касалась мер безопасности. Опекун не только руками обрисовал контуры водного хищника, но и показал чуть позже в толще воды. Так называемый лонг смотрелся трёхметровым тюленем, но с урезанной пастью крокодила. Он мог с разгона выпрыгивать на берег, а потом с помощью своих ласт резво броситься на человека. А то и во время прыжка вцепиться. Так что горе зазевавшемуся!

Лишь только громадная туша устремлялась к берегу, следовало отскочить от воды метров на десять, бросая копьё, и там прятаться за стволами. Как правило, дальше этого расстояния лонги не добирались, начинали пятиться назад. Но порой проявляли особую настойчивость, гоняясь за промысловиками на всю глубину набережной.

Улиток лонги не ели, просто плавали. Как стало понятно по вульгарным жестам малолетки, монстры устраивали в канале брачные игры.

Но не они оказались самыми опасными. И не маленькие крабы, в ладонь ребёнка, которые легко давились пяткой и которых не следовало подпускать к открытой коже. Могли вгрызаться в неё как клещи.

Худшими считались злобные рыбины, похожие на двухметровых скатов с высоким, как у акулы, хвостовым плавником. Название её звучало как «пастор», да и во всех иных смыслах этот хищник являлся пастухом. Он пас улиток. И порой пара-тройка таких скатов могла угнать всё стадо выше или ниже по течению, и тогда промысел вынужденно прекращался на несколько часов, а то и до конца дня.

Счастье, что прозрачность воды и высокий плавник пастора позволяли его заметить издали и ретироваться на всё ту же десятиметровую отметку на набережной. Иначе скат буквально взлетал из воды, падал на жертву, окутывая своим телом, и практически немедленно умерщвлял её своими ядовитыми костяными иголками на краях мантии.

Мальчик раз пять повторил строго, с нажимом:

– Лонги – у-у!.. Пастор – у-у-у-у!

После объяснений приступил непосредственно к работе. Минут за пять одна из ближних к Гюту корзин оказалась заполнена почти на две трети, тогда как Чернова, несмотря на все старания, литые мускулы и мужскую статью, не добыла ни одного трофея. И если бы не тонкая верёвка, связующая запястье и тупой конец копья, давно осталась бы без оружия.

И здесь опекун проявил ангельское терпение. Более получаса он дотошно объяснял и показывал, почему и как идёт преломление изображения в воде, что надо учитывать и куда прицеливаться. И первые два экземпляра улиток наконец-то попали в корзину новичка.

Но толком ему набить руку так и не удалось. Опекун набрал не только свои две полные корзины, но и подопечному быстро помог заполнить почти доверху солидную по объёму ёмкость. Себе потом он эту корзину и водрузил на спину,

тогда как Арису подал полную, с верхом. Копья аккуратно припрятал среди наиболее густо стоящих стволов и первым двинулся в путь.

На обратном пути Гют сосредоточил внимание новичка на ориентирах вдоль тропы. И только тогда стало понятно, что, не будь зарубок на стволах, новый человек здесь заблудится на раз. Никакое чувство ориентации не поможет. И каждый раз мальчик тыкал рукой в зарубки и восклицал слово, скорей всего обозначающее «вехи».

Первые десятки метров были пройдены легко, но затем Арис Шенгаут (Чернова старалась думать о себе именно так) взопрел не на шутку и наверняка бы устроил себе не один привал, но... Глядя, как быстро движется впереди маленький мальчик, которому не больше двенадцати, – взрослому и сильному мужчине не пристало проявлять малодушие и ломаться при первом же испытании. Вот и пришлось, сжимая зубы, стараться не отставать и, утирая с глаз пот, пытаться запомнить ориентировочные зарубки. Возникло подозрение, что вскоре по этому маршруту придётся топтать самому.

Добрались к главной площади поселения, и Гют ссыпал свою добычу в одну из многочисленных ванн. После чего помог новичку и пояснил, что в следующие разы тот уже сам будет сюда приносить и ссыпать добычу, причём только в эту ванну. Ни в коем случае – не в другие.

«Ну да, – вспомнила Чернова основы политэкономии. – Колхоз – это строгий учёт и контроль каждого корешка, колоска и... улитки! Как наносим, так нас и накормят».

Не успели они отойти от ванны, как возле неё присели на табуретки две смешливые девушки с разделочными досками и ножами. А какой-то мужчина принёс штук шесть внушительных котелков, а потом ещё два больших котла. Разделка трофеев, идущих в счёт новой команды, началась.

Обратно двигались почти бегом. Гют сумел весьма доходчиво объяснить непосредственно на набережной:

– Всё надо делать бегом, очень быстро. Ну, разве что, с полной корзиной – идти осторожнее. А вот с пустой – нечего застаиваться. Бери побольше – неси подальше. Пока бежишь обратно – отдыхай! – и тут же подал на спину уже

готовую полнёхонькую корзину. Арис только хрюкнул да и потопал в посёлок. Дошёл. Хорошо, что не заблудился. На дорогу туда и обратно уходило минут тридцать.

Третья ходка прошла уже с мыслями: «А не сбежать ли мне отсюда?..» Когда отходил от ванны, там уже работало четыре женских особи.

После пятой ходки особей стало пять, и Дарья им откровенно позавидовала: «Ржут, бездельницы, сплетничают да ножами только ковыряются. Я тоже так хочу!» Что ещё заметила, так это других носильщиков, детей примерно того же возраста, что и Гют. Те носили добычу в свои ванны, но никто не надрывался, улитками заполняли не более половины корзины.

Что ещё в тот момент удивило: стало резко светлеть. Уставившись на небо, землянка в ступоре рассматривала, как изрядно сдвинувшееся влево солнце ярко и обильно освещало три чудом скреплённых между собой участка земной коры, которые продолжали свой полёт в прежнем направлении. То есть всё это время над лесом висела летучая твердь.

«Ничего себе! Солнце-то тут движется влево! Значит, мы в Южном полушарии. С этим разобрались. А вот летающие острова в три уровня как в небе удерживаются? – недоумевала Чернова. – Или они из картона сделаны? А то и гелием надуты? Хм, и никому не интересно... Это у них тут что, в порядке вещей?!» – потому что никто из работающих на поляне, за редким исключением, в небо не смотрел. А вот замершего на месте работника – заметили сразу. Тот самый мужчина, что разносил котелки, строго прикрикнул:

– Эй! Арис! Ты чего стоишь? Бегом, бегом! – Ещё и пальцами показал, как надо быстро перебирать ногами.

Пришлось наращивать темп передвижения. Но надолго не хватило.

Восьмая ходка показалась преддверием инсульта. На десятой он упал, чудом не поломав себе рёбра на выступающих корнях. После одиннадцатой стал откровенно сачковать, идя порожняком еле-еле, а то и присаживаясь отдохнуть. А когда прибыл на набережную, в ужасе увидел четыре полные корзины улиток. Кажется, мальчик работал как истинный стахановец или ударник колхозного труда.

Стоило только представить себе, что придётся ещё и эти корзины волочь в посёлок, как икры начинало сводить судорогой, а шея отказывалась поворачиваться. Хорошо хоть юный напарник не оказался садистом. Сам впрягся в одну из корзин и двинулся впереди.

Во время выгрузки добычи в ванну явно сказал что-то очень весёлое. Потому что уже шесть работающих там женщин весело заржали, поглядывая на новенького не то с издёвкой, не то с насмешкой. Но Арис и не подумал обидеться. Он только и мечтал, чтобы упасть не здесь, а где-то там, в лесу. Упасть и больше не встать...

Увы, пришлось ещё и последнюю ходку делать. Забрали попутно копыя. Оставили их возле шалаша с корзинами. А вот как уже на последних крохах сил добрался до площади, Арис потом так и не смог вспомнить. Очнулся он во время эмоционального рассказа мальчика. Прислушался. Присмотрелся к жестам. Вроде понял правильно: Гют не только успевал улиток со дна канала доставать, но ещё и с хищниками справляться.

Два раза он отступал после атак лонгов. Довольно далеко заманил их за собой между деревьев и там вволю потыкал копьём в их рычащие морды, пока водоплавающие звери пятились обратно к воде. Ну и один раз ретировался бегом, когда его попытался накрыть собой выскочивший из воды скат, которого здесь называли пастор.

Слушательницы оказались вполне благосклонными, верящими и заинтересованными. Сопереживали, задавали вопросы. Ну, разве что одна, самая молодая девчушка, худющая и угловатая, как топор, с презрительной гримасой на лице делала вид, что не верит хвастающемуся малолетке.

Ещё Чернова успела внимательно рассмотреть, на какие части и компоненты делится добыча. Что-то вырезалось очень аккуратно и осторожно, что-то полосовалось быстро и ловко. Но каждый кусочек плоти потом падал в ёмкость только с себе подобными. А, казалось бы, что можно особо выделить в однородной плоти улиток? Выбирали...

Дарья заметила, что нигде возле ванн не было более трёх женщин. Чаще – всего две разделяли добычу. А здесь – восемь. Похоже, что норма перевыполнена в три раза?

Внезапно вновь потемнело довольно резко. И новая каменная туча в три уровня стала закрывать небосвод над поляной. Но теперь она двигалась с иного направления и наискосок к маршруту предыдущего чуда.

«Что бы это всё значило?» – опять застыла в ступоре землянка, глядя на небо и отвесив челюсть. Но никто к ней с разъяснениями не торопился, просветить не пытался. А на резкое и более громкое оживление разговора она и сама внимания не обратила.

Глава 4

«Второй» оказался совсем в иной ситуации. Хотя в том же мире и в том же лесу, покрывающем три пятых площади всего материкового пространства планеты. Что интереснее всего, он, как и «первый», себя чувствовал и осознавал как Дарья Андреевна Чернова! Попавшая в новое тело женщина тоже помнила две картинки бытия до какого-то момента, а дальше спасалась и выживала только сама по себе.

В тот момент, когда землянка с максимально возможной для спортсменки-пловчихи скоростью выплывала из холодного озера, она только и подумала:

«Это падение сквозь какие-то пропасти немного напоминает край увиденного мною на небе чуда. Но там была как бы дыра... И намного теплей... И никакой падающей реки не наблюдалось...»

На том «чужая» картинка и забылась. Суровая действительность вокруг затребовала на решение проблем все помыслы, ум и моральные силы.

Во-первых, плыть в ледяной воде, когда перестаешь чувствовать руки и ноги, уже сложно. Во-вторых: под руки попадались кучи свежих листьев, хвои, веток, а то и целых стволов крупных деревьев. В-третьих и в-надцатых: сковывала прилипшая одежда, боязнь потерять мраморное яйцо в левой руке, касания чего-то живого к ногам, какие-то грозные, но непонятные крики с дальнего, остающегося за спиной берега. Причём крики – мужские и, судя по тону, перемежающиеся обценной лексикой. Выделялись ругательные (наверняка!)

слова «сольеры» и «пастор».

Выбираться на берег пришлось по крутым скользким корням, которые окончательно выхолодили пальцы правой руки. Потоки воды из леса продолжали стекать навстречу, неся древесный мусор. Всё-таки падающая с неба река снизу представлялась не иначе как стихийным бедствием.

Дарья кое-как выбралась, прошла за стволы ближайших древесных гигантов и несколько раз резко присела, стараясь хоть так отжать на себе мокрую, но вроде добротную одежду. И только после этого, стараясь не лязгать зубами, вновь окинула взглядом озеро и противоположный берег. При этом сразу рассмотрела да и расслышала неплохо явную для себя опасность. Там стоял импозантный варвар в кожаных доспехах, с боевым топором за плечами и с коротким копьём в левой руке. А правой он себе интенсивно помогал жестами, в экспрессивной манере давая пояснения пятерым своим товарищам. Язык понять не получалось, зато о сути догадаться было несложно: «Вон на тот берег очень быстро вылезла женщина! А за ней следом плыл такой!.. – Последовал непонятный жест. – И он чуть не сожрал!.. (широко раскрытый рот). Женщина скрылась за деревьями. Надо её срочно догонять! Иначе... – странные жесты скорей всего означали, что жертва может уйти. В погоню! За ней! Окружаем с двух сторон!..» И опять прозвучало ругательное слово «сольеры!»

Тем временем в мутной воде озера среди груд мусора и веток в самом деле что-то плескалось, шевелилось, большое и непонятное. Только и торчали наружу три плавника, очень похожие на акулы. Местные каракатицы не сожрали представительницу иного мира лишь по причине обилия веток да её умения хорошо плавать. Теперь предстояло ещё доказать, что доставшееся Черновой тело умеет хорошо бегать. Потому что варвары, разделившись на две группы по три человека, ринулись обегать озеро с двух сторон. Подспудные мысли землянки оказались весьма приземлёнными:

«Убить, конечно, не убьют, но... о правах человека, и тем более о равенстве женщины с мужчиной, здесь, кажется, не слишком догадываются. Если меня поймут, то на правах удачливых охотников станут считать полноценным трофеем и делать всё, что им заблагорассудится. А о том, что у меня есть на этот счёт иное мнение, никто спрашивать не станет...»

Вследствие чего Дарья бежала изо всех сил, радуясь при этом:

«О! Вроде как начала согреваться! С телом мне тоже повезло! Молодое, подвижное, нисколько не увечное... Ещё бы в зеркало глянуться да рассмотреть, что там у меня с личиком...»

Дарья тут же выругала себя за неуместность и несвоевременность подобного, пусть и естественного для любой женщины желания. Тут надо шкуру спасать и всё в ней находящееся, а не о красоте думать. Мраморное яйцо в ладони, значит, всегда имеется шанс перебраться после смерти в иное тело и в иной мир. Но именно что после смерти. А сам факт изнасилования неведомым силам межмирского перемещения может и не показаться уважительной причиной для смены осквернённого тела. Резонно могут заявить: от такого не умирают.

Ещё одна угроза имелась для Дарьи. Если варвары её настигнут, то могут ведь обыскать и забрать яйцо, а то и попросту выбросить его куда-то в сторону. Что тогда? Как этого избежать? Несмотря на скоротечность и кратковременность переноса сознания из старого, немощного, смертельно больного тела, определилась приоритетная аксиома: что бы ни случилось, артефакт надо беречь пуще собственной жизни. То есть угроза утери или насильственного лишения должна устраняться в первую очередь. Исходя из этого, появилась вполне резонная мысль:

«Не слишком ли быстро я бегу?.. И не будет ли лучше, если сама выйду навстречу преследователям, улыбнусь им, поблагодарю за спасение и... Можно ведь изначально выбрать среди них самого сильного и авторитетного, тогда возможное насилие станет шестикратно меньшим...»

Вроде правильно рассуждала, да и логика требовала остановиться, но... Ноги, словно обладающие собственным разумом, несли женщину от озера всё дальше и дальше. Ну и некий лоцман выбирал маршрут не строго по прямой, что могли легко просчитать преследователи, а по большой дуге уводил вправо. И уже через километр землянка посчитала, что редкая цепь из шести человек никак её не отыщет в густом лесу. Перешла на спокойный шаг, внимательно глядя под ноги и прислушиваясь, не раздастся ли топот погони.

Грунта, как такового, практически не наблюдалось. Сплошной покров из выступающих корней. Разве что местами лежали кучи хвои, листьев и мелкого древесного мусора, нанесённые водными потоками. За оставленные неосторожно следы можно не опасаться.

Тело после бега согрелось настолько, что от одежды валил пар. Появилось желание присесть и немножко отдохнуть. Только Чернова не собиралась останавливаться, обратив, наконец, внимание на собственную одежду.

Та оказалась весьма своеобразной. Вместо нижнего белья – трико из тонкой ткани. Точнее – его остатки, кое-как сшитые многочисленными стежками. Видимо, прежней хозяйке пришлось туго, раз чинила настолько пострадавшую вещь.

Верхнюю половину туловища прикрывал вязаный джемпер тёмно-зелёного цвета, а поверх него – короткая кожаная жилетка, сделанная так, что вполне заменяла наружный бюстгальтер. Величина груди Дарью вполне удовлетворила: размер третий, а то и третий с половиной, насколько удалось определить на ходу. С такой красотой мужчинами повелевать легче.

На нижней части тела были надеты вязаные из упругой шерсти лосины, которые поверху прикрывались свободной юбкой из мягкой, но толстой ткани. Причём юбка доставала всего лишь до колен, а потому нисколько не мешала во время выхода из озера.

Завершали наряд довольно удобные полусапожки из тонкой кожи, крепящиеся на голени кожаными ремешками. Подошва вполне толстая, не скользит, что во время бега по мокрым корневищам сказывало решающее значение.

«Ещё бы лужу разыскать с чистой водой, – размышляла Чернова, всё больше оглядываясь по сторонам. – Да к лицу присмотреться. Судя по груди, мне не больше двадцати лет, ещё бы уродиной не оказаться, и жизнь удалась...»

Переживания о внешности ушли на второй план из-за ухудшающихся условий окружающей действительности. Стало намного темней, поднялся ледяной ветер, и начал падать снег. Причём здорово падать, обильно. А морозом так вообще накрыло так, словно голова вдруг резко оказалась в морозильной камере холодильника. Любой, даже совсем бесшабашный и приспособленный ко всему человек тотчас начинал понимать: в одиночку в таком лесу без огня и жилища – не выжить.

Чернова всегда была расчётливой и предусмотрительной, но практичной ее было не назвать. Особенно в такой обстановке. Замерев на месте, чувствуя,

как влажный волос на голове промерзает до самой кожи, она постаралась избавиться от панической волны страха:

«Пока ещё ничего страшного не случилось! А вот ни города, ни большого посёлка мне тут не сыскать... Да и запаха жилья не ощущается совершенно. Значит, у меня только два выхода. Можно вернуться обратно к озеру и мило улыбнуться тем самым варварам. А можно идти до тех пор, пока есть силы. Затем присесть в укромном месте, засунуть артефакт в рот и... Уверена, при таком зверском холоде я за полчаса «покину» это тело... Знать бы ещё, куда попаду в следующий раз?..»

Она уже догадывалась, на примере бабушки Марьяны и своём собственном, что сознание переносится в ту оболочку, которая попала либо в катастрофу, либо в иные, очень неблагоприятные обстоятельства. Скорей всего, в ту критическую ситуацию, при которой прежний владелец тела погибает. Поэтому следует очень бережно относиться к предоставленному шансу очередного перерождения и просто так не сдаваться. А то как бы хуже не стало.

По совокупности всех этих размышлений и резко ухудшившейся погоды Дарья Андреевна решила повернуть обратно. Но так и застыла на месте ледяным столбом. Сразу три громадные кошки вышли из-за деревьев перед женщиной. Похоже, им надоело ждать свой слишком задумавшийся обед, и они решили поторопить события. А сделай беглянка чуть ранее десять-пятнадцать шагов вперед – её бы уже доедали.

Не стоило даже сомневаться, симпатичные представители фауны – это хищники. Одни клыки, как у саблезубого тигра! Да и тела полны дикой грации, хоть и несколько коротковаты по земным стандартам. Расцветка неброская – серые разводы, под цвет корней и большинства стволов. Такая котяра, размером с упитанную овчарку, которая крупней рыси раза в полтора и величиной чуть ли не с тигра, сама человека схарчит в два присеста, а тут сразу три рычащие бестии.

Понимая, что ей не уйти от местных рысей, Чернова медленно стала поднимать левую руку с артефактом ко рту. А кошки, словно не сомневаясь в своём превосходстве, подкрадывались мелкими шажками, мурлыкали всё громче и уже откровенно облизывались. Предвкушали заслуженное пиршество.

Тем более неожиданным был треск и шум за спиной женщины. Хищники привстали на передних лапах, переводя свои взгляды на новую жертву и перераспределяя направления новой атаки. Они нисколько не испугались нового участника событий, хоть и посчитали его более достойным соперником. Ибо в его сторону, уже ускоряясь, кинулись сразу две зубастые бестии, тогда как к женщине продолжила двигаться только одна.

Вначале последовал грозный, требовательный мужской крик. То ли ругань, то ли приказ всем остальным соплеменникам мчаться в данное место. И даже не оборачиваясь, Дарья узнала тот самый голос, что ругался ей вслед на берегу озера.

«Всё-таки выследил! – мелькнула печальная мысль. – И стоило так далеко убежать?» – тогда как события уже разворачивались молниеносно.

Копьё пронзило кошку, которая двигалась к Черновой. Причём рану можно было сразу определять как смертельную: древко копья торчало из груди зверя, а наконечник вылез за его левой лопаткой в районе рёбер.

Ещё через пять секунд вращающийся топор с громадной силой врезался во вторую кошку, лезвием почти начисто отсекая правую лапу животного. И пока обе бестии с ужасающим визгом и рёвом катались по земле, варвар в кожаных доспехах, с одним ножом в руке сошёл в рукопашной с третьим зверем. Они рычащим клубком покатались по корням, начавшим покрываться белым снежным покровом.

А что было делать в такой ситуации землянке?

Правильно – бежать! Хоть и нелогично. Совершенно...

Наверное, запоздало сработал страх перед хищниками и подспудная команда подсознания: скрыться с этого места как можно быстрее. Вот Дарья и побежала... Правда теперь уже в обратном направлении, к озеру.

А может, просто тело захотело согреться? Холодно ведь, на месте не устоишь...

Тем, кто побеждает в последней схватке, Черновой и в голову не пришло поинтересоваться. Хотя чем дальше она отбегала, тем больше в ней просыпался врач. Точнее говоря, медсестра, готовая немедленно оказать помощь пострадавшему.

Но только она замерла на месте, пытаясь разобраться в своих противоречивых желаниях, как сзади, от места схватки раздался торжествующий рёв человека. Варвар всё-таки и третью кошку одолел. А раз издавал победный рёв такой силы, вряд ли нуждался в немедленных перевязках.

Остановка помогла Дарье остаться незамеченной для остальных преследователей. Гораздо правее послышался топот, а потом между стволов мелькнули две фигуры бегущих варваров.

«Вот они и окажут помощь своему соплеменнику, – с удовлетворением рассуждала землянка. – А мне желательно немедля выйти к посёлку и начать диалог с общиной. Тогда уж точно удастся избежать грубого группового изнасилования».

По её размышлениям получалось, что населённый пункт располагался где-то с противоположной от озера стороны. И если не сбиться с выбранного направления, то наверняка начнут встречаться следы хозяйственной деятельности.

Дарья припустила дальше в путь, стараясь растирать плечи на ходу. Мороз всё усиливался из-за поднявшегося ветра, да и снегопад не прекращался. Единственная польза от такой непогоды: следы почти сразу заметались. А вот минусов...

Ещё минут через двадцать бодрой трусцы Дарья стала понимать, что направление она потеряла. Озеро, скорее всего, осталось намного правее. Если она не отыщет правильного пути или вообще заблудится, то через несколько часов устанет и замёрзнет насмерть в каком-нибудь сугробе.

Наличие артефакта – не повод расслабляться, прекращая борьбу за выживание, но избавиться от неуместной паники помогает. Так что Чернова, слегка подкорректировав маршрут, вновь двинулась дальше. Однако ещё через полчаса пожалела о своей самоуверенности, понимая, что заблудилась окончательно.

И хуже всего, что снег валил как из мешка, и порой сугробы доходили уже до колена. Конечности стали опасно терять чувствительность. Особенно ноги страдали, потому что сапожки порвались и расползлись от сырости.

Ещё и внутренний голос одолевал противоречиями:

«Куда убегала, дура? Сейчас бы грелась с победителем кошек... Ага! Или остывала, со снятой шкурой рядом с ними. Варвары ведь... Главное не упасть!.. Ай!.. Ну за что мне такие испытания?.. Теперь главное яйцо не выронить!..»

Зарывшись лицом в снег и стоя на четвереньках, Чернова уловила запах свежего навоза. Не факт, что он доносился из какого-то хлева, – в таком лесу могли водиться лоси, олени и ещё бог весть кто. Но кровь веселей побежала по артериям, тело взбодрилось, и Дарья из последних сил двинулась навстречу ветру.

Уже через полсотни метров стало понятно, что вокруг пространство, обихожное разумными созданиями. Лес стал чуть ли не парком. Потому что все деревья, на высоту в пятнадцать, а то и двадцать метров оказались очищены от боковых веток. Вверх устремлялись только стволы, да и те кто-то явно и расчётливо проредил. А оставшиеся наверху кроны от этого становились только гуще и давали обильную тень.

«Или это уже наступил вечер?»

Ещё через две сотни метров ароматы хлева стали насыщеннее, а там и забор показался. Точнее говоря, не забор, а загородка. Поперечные деревянные лаги из расщепленных на три части стволов тянулись от дерева к дереву в четыре, местами пять уровней. Общая высота метра под два. В щели между ними Дарья могла проскользнуть вполне свободно. Но, заглянув внутрь, ей резко перехотелось туда пробираться.

Внутри огороженного участка находились около трёх с половиной десятков громадных животных, они бродили, лежали, ели заготовленные для них горы обломанных веток или с лентой пережёвывали растительную жвачку. Высота в холке под три метра. Косматая шерсть свисала до самой земли. Здоровенные рога, между которыми могло бы усесться три человека. И общий вид отдаленно

напоминал зубров из Беловежской Пуши.

Пусть размеры зубро-мамонтов удивляли, зато факт их приручения человеком не вызывал сомнений. Теперь следовало обойти загородку по периметру и отыскать жилища людей. Скорей всего поселение обязано находиться где-то рядом, иначе сложно поддерживать ту же загородку в должном порядке.

«Ещё бы угадать, в каком направлении обходить? – сомневалась Дарья, рассматривая через щель между лагами внутреннее пространство вольера. – Что в ту, что в другую сторону под сотню метров будет, но если ошибусь, могу и не дойти. А напрямик проскользнуть – и думать нечего! Обидно замёрзнуть в сугробе, находясь всего в полусотне метров от посёлка. Или что тут у них?..»

Пока она так размышляла, одно из животных приблизилось к загородке, рассмотрело за ней человека и весьма агрессивно зарыло копытом перемолотые в щепу корни. Явный бык. То ли ему подраться не с кем было, то ли он ко всем посторонним так относился, но агрессия из него так и пёрла вместе с паром из ноздрей. Потом он заревел, с разумной вальяжностью подбежал к преграде и боднул её не столько рогами, как своим косматым лбом.

Вся постройка опасно закрипела, качнув деревья, к которым она крепилась. Это, в свою очередь, спровоцировало опадание целой лавины снега, который скопился в кронах. Через пару мгновений женщина превратилась в натуральную снежную бабу, засыпанную леденящей субстанцией почти по пояс. Сжавшись, она даже взвизгнуть не смогла. Только хлопала и так заиндевевшими ресницами и пыталась вдохнуть чистого от снежной пыли воздуха.

Подлый бык теперь уже и сам рассматривал несчастную гостью сквозь щель своим громадным, с тарелку, глазом. Потом шумно фыркнул и замычал. Дарья готова была поклясться, что бык явно насмеялся! А то и вообще откровенно издевался. Его тоже изрядно снежком присыпало, но что для него забава, то для озябшей путницы – финал всего путешествия. Потому что тело уже не хотело слушаться, промёрзнув чуть ли не насквозь.

Но тут, наверное, сработала поговорка: не было бы счастья, да несчастье помогло. Сотрясение деревьев не только лавину вызвало, но и кое-кого разбудило, потому что сверху послышался резкий гневный окрик:

– Каччья! Каччья! – возмущалась женщина. И самое смешное, что зубро-мамонт от этих окриков вздрогнул, резко развернулся и живо потрусил в сторону от загородки. Не иначе как испугался. Скорей всего окрик означал: «Пошёл вон!»

Голос сверху продолжал разоряться, ругая не только бестолковую скотину, но и того, кто эту скотину спровоцировал на агрессивные действия. Но Дарья вдруг отчётливо поняла, что если не пошевелится, если не стряхнёт с себя снег, то так и останется незамеченной. Поэтому приложила все оставшиеся, можно сказать, титанические усилия для раскачки всего тела, размахивания руками и исторжения из промёрзшего горла каких-нибудь звуков. Получилось плохо. Что-то вроде:

– Эй, вы, там... наверху! – Хватило и этого. Женщина резко сменила тон на сочувственно-любопытный, что-то выговаривая и спрашивая. Увы, язык местных аборигенов оказался невразумителен для землянки. Она только и постаралась вначале развести руками:

– Не понимаю! – Затем понятным жестом обхватила себя за плечи, показывая, как ей холодно: – Замерзаю!

При этом, кое-как задрав голову, она сумела рассмотреть на десятиметровой высоте добротный помост. Тот располагался между четырёх стоящих квадратом деревьев, и наверняка на нём располагалось какое-то жилое строение. Иначе кто бы там высидел в такую непогоду? Или всё-таки там сторожевая вышка? Но сторож-дозорный женского пола?

Дарья не обнаружила домик сразу по той причине, что, спеша к загородке, – присматривалась только к ней. Вот и не увидела спасительного жилища.

После безуспешных попыток добиться вразумительного ответа на поставленные вопросы голос сверху на пару мгновений примолк. Логика подсказывала, что сейчас вниз будет сброшена верёвочная лестница или нечто подобное. Но сама мысль, что придётся одеревеневшими руками и ногами куда-то карабкаться, ввела Чернову в окончательный ступор. Так что на залихватский свист она среагировала вяло. А тот прозвучал в нескольких вариантах, чуть ли не переходя в финале в определённую мелодию.

«Подаёт кому-то сигнал? – пришла догадка в засыпающее от холода сознание. – Уж не тем ли варварам, что за мной гнались?.. А хоть бы и им?.. Сама я уже ни на что не годна...»

Чувство опасности среагировало на странный скрип снега за спиной. А начав оборачиваться, Дарья замерла на вздохе и рывками стала подносить руку с яйцом ко рту. Так как теперь её сковал не только мороз, но и паралич от безотчётного страха. Ибо вокруг неё яркими золотистыми кольцами укладывалось длиннущее змеиное тело. Оно сразу показалось не от мира сего, где царили только пасмурные оттенки черного, серого, коричневого, тёмно-зелёного и грязного, разбавленного белым снежным покровом.

Когда на уровне глаз женщины зависла кошмарная голова питона размером с «Оку», Дарья Андреевна только пожалела, что не успела водрузить артефакт на положенное для очередного перерождения место. Потом питон раскрыл пасть, и Чернова благополучно потеряла сознание.

Глава 5

Второе проплывающее по небу чудо минут на пять вогнало Ариса Шенгаута в ступор. Шея заболела, пока он неотрывно смотрел на небо. Пошевелился лишь после того, как пролетающий массив закрыл весь квадрат неба над поляной. Остальное пространство небесной тверди рассмотреть не удавалось из-за крон окружающих деревьев.

Арис осмотрелся вокруг, оценивая изменившуюся обстановку. Женщины продолжали заниматься разделкой улиток, но при этом громко переговаривались с товарками из соседних групп, а многие кричали о чём-то, глядя в густые кроны. Именно туда устремились почти все мужчины, прежде находившиеся внизу. Разве что парочка весьма усиленно поддувала специальными мехами костерок, расположенный в самом центре поляны. Вскоре оттуда в небо устремился ровный столб ярко-красного дыма. Аборигены разожгли что-то, что можно было с уверенностью назвать сигнальным костром. Простая логика подсказывала: сигнал этот подаётся не для других посёлков подобного типа, а именно для тех, кто пролетает по небу.

А для чего подобное делается? Не для войны же! Скорей всего на летающей тверди живут иные разумные, которые ведут торговлю либо производят товарный обмен с теми, кто проживает в лесу.

Находящаяся в мужском теле землянка припомнила моменты своего падения в странные пропасти и людей на краю одного обрыва. Значит, наверху тоже есть жители? И они нуждаются в продуктах из леса? Только вот как они собираются обмениваться товаром или покупать его? Опускаются вниз на вертолётках? Или сами летать умеют?

Последнему вопросу удивляться не приходилось. Раз целые континенты и острова по небу летают, то почему бы и людям не левитировать в воздушном пространстве? Только вот как в этом убедиться? Как и откуда рассмотреть?

Все мужчины подались наверх. Даже те, кто разжигал сигнальный костёр. Юного опекуна Гюта рядом не оказалось. Все верёвки, ранее натянутые и уводящие в кроны, тоже исчезли. Зато появилось достаточно много опущенных до самой земли верёвочных лестниц. По ним довольно ловко карабкались вверх дети лет десяти и младше. Скорей всего большинство женщин тоже отправились бы на верхние уровни, если бы не работа по разделыванию улиток и готовка ужина в многочисленных больших котлах.

Арис тоже подумал, да и направился к одной из лестниц. Его никто не остановил, не окликнул. Но он забыл о главном: о собственной усталости. Каждая мышца дала о себе знать болезненными ощущениями, когда он стал перебирать ступеньки шаткой, вёрткой и раскачивающейся конструкции. Такие приспособления предназначены только для цирковых акробатов и матросов, ставящих паруса на парусных кораблях.

Он запоздало вспомнил, что ему очень хочется пить и есть. А потому взбираться невесть куда сразу расхотелось. Вот только к его действиям отнеслись на полянке весьма показательно: женский голос что-то воскликнул, и тотчас в ответ раздался дружный хохот. Шенгаут резко оглянулся и понял, что смеются над ним.

Останься Дарья Чернова женщиной, она бы и внимания не обратила на подзадоривания или насмешки аборигенок. Но ведь она стала мужчиной. А в их среде совсем иные понятия. Насколько понимала землянка, мужчина

всегда должен держать марку, если хочет иметь вес в обществе. Сама терпеть не могла слабаков, рохлей и пасующих перед любой трудностью недоумков. А уж в здешнем не то племени, не то лесничестве тем более следовало вести себя достойно.

Взялся за топор – руби. Назвался груздем – полезай в котёл. Отправился к небу – карабкайся из последних сил. Вот Арис и карабкался.

До первых домиков дотянул сравнительно легко. Там рассмотрел первые верёвки с перемычками на конце. Только теперь они провисали свободно, да и перемычки попросту закидывались на ближайшие ветки. С этих помостов, балкончиков и окошек вся поляна просматривалась великолепно.

Второй и третий ярусы жилищ тоже были увиты многочисленными верёвками, мостками между хижинами, сделанными из тростниковых циновок навесами. Иные верёвочные лестницы в ещё большем количестве поднимались наверх.

Зато на третьем уровне землянка впервые рассмотрела странные устройства или наросты, в которые уходили концы тех самых ослабленных верёвок. Наросты выглядели как толстенные обсадные трубы на основаниях толстенных веток, и Чернова ничего не смогла придумать, кроме как:

«Там внутри может сидеть прирученный паук и тянуть по команде верёвку или отпускать её... Но почему тогда верёвки, когда они на всю свою длину, натянуты как струна? А сейчас, когда в половину длины, – провисают свободно?..»

С живым, прирученным помощником такое было бы невозможно.

С третьего уровня уже и небо виднелось сквозь прорехи в кронах. Хоть как ни болели мышцы всего тела, Арис, скрипя зубами, полез ещё выше. И вскоре оказался возле, а потом и чуть выше ровных платформ, которые в основном имели над собой тщательно вырубленные от мелких веток пространства. Но так как они были заняты, Шенгаут отыскал для себя наблюдательный пункт на одной из верхних развилок одного из самых высоких лесных гигантов. Там и устроился среди нескольких мальчуганов восьмилетнего возраста, не обращающих на новенького никакого внимания, и среди доброго десятка таких же инфантильных птичек.

Отсюда уже получалось рассмотреть почти всё вокруг на многие десятки километров и спокойно анализировать увиденное. А заключалось оно, если кратко, в следующем: обмен товаром при полной боевой готовности.

При этом нависшая сверху твердь всё равно поражала больше всего. Она уже продвинулась на две трети небосвода, а оконечности так и не было видно. И это при том, что сама линия горизонта казалась несколько удалённой. Эта планета была явно больше по диаметру, чем Земля.

Суть главного чуда этого мира не поддавалась никакой логике или здравому смыслу. Можно было предположить, что толстенные летающие острова в три уровня сделаны из картона или из лёгкого, но прочного пластика. А вид торчащих из днища мрачных скал – не что иное, как удачная имитация оных. Что больше всего мешало логично мыслить, так это частые и довольно сильные порывы ветра:

«Если он здесь силён сейчас, – рассуждала Чернова, стараясь цепко удерживаться за качающиеся ветви, – то могут быть и ураганы. И какими массивными ни кажутся острова, их обязательно сносило бы в стороны. А то и сталкивало друг с другом. А здесь, похоже, всё движется словно по невидимым трамвайным рельсам... Или я неправильно понимаю увиденное?..»

Тем не менее факты говорили о постоянстве маршрутов. Во-первых, посёлок оказался не одинок в данном лесу. Вдалеке виднелись иные сигнальные столбы дыма, стремящиеся в небо. Причём столбы разного цвета, порой спаренные, а то и строенные. И, что характерно, все эти дымы располагались хаотично, не на одной прямой линии. То есть каждый из них указывал на конкретный участок леса и вёл торговлю только с кем-то определённым на острове.

Во-вторых, именно в районе тех столбов, где летающий остров навис уже доброй третью своей площади над лесом, можно было различить очень интенсивный обмен товаром. Издалека получалось рассмотреть зависшие над самым лесом воздушные шары с подвешенными на них платформами и тысячи канатов, которые связывали шары и платформы непосредственно с островом.

Когда одно из отверстий в небесной «тверди» приблизилось к посёлку, Арис сумел рассмотреть во всех подробностях весь процесс обмена. Тогда уже стало понятно, что на острове отверстий много, не менее сорока, а то и полусотни.

И с каждого ведётся торговля конкретно со своим посёлком или с общиной лесовиков.

Тогда же определилась и примерная скорость пролетающего по небу чуда: около десяти километров в час. То есть скорость довольно бодро бегущего человека. И вот именно на такой скорости следовало успеть договориться (это делали несколько человек, опускающихся с первых шаров), дать нужные команды посредством специальных свистков остальным торговцам, уложить и сбросить свой груз в мешках или корзинах. Тот находился на просторных платформах, подвешенных на верёвках так, что они проносились всего лишь метрах в пятнадцать, а то и в десяти над самыми высокими кронами лесного массива. Также нужно было зацепить крючьями товар лесников, живо поднимая на свои платформы, и напоследок провести сверку обменного товара и произвести окончательный расчёт (этим занимались люди на последних воздушных шарах).

Причём эти последние шары, точнее – корзины под ними, якорились на минуту-полторы прочными верёвками, возле самых больших настилов поверх крон деревьев. На тех же настилах стояли старейшины посёлка и чуть ли не из рук в руки обменивались с островитянами какими-то мешочками. Скорей всего в них могли быть монеты или некие камни, заменяющие денежный эквивалент.

Во время остановки крепящие шары канаты травились с острова. Как только расчёт заканчивался, петли якорей сбрасывались, канаты резко натягивались, и вся воздушная конструкция срывалась с места, устремляясь вдогонку за островом.

То ещё представление! Любого островитянина, зависшего на страховочном лине, или лесника, носящегося по хлипким раскачивающимся мосткам, – можно было смело приравнять к цирковым акробатам. Только те работали под куполом цирка, а эти – под нависающей с неба земной твердью.

К общей картине следовало добавить готовность лесников пустить в ход оружие: луки и арбалеты. Особенно вначале боевая готовность была наивысшей, когда воздушные шары и подвешенные на верёвках платформы только приближались к данному участку леса. Практически две трети всех воинов посёлка расположились в кронах по сторонам и вдоль траектории движения торговой миссии. И лишь после начала обмена, когда обе стороны опознали друг друга в лицо, стало заметно, как лучники расслабились, а то и вообще убрали

наложенные на тетивы стрелы.

Иначе говоря, порой островитяне были не прочь и пограбить лесной народ, раз те принимали подобные меры безопасности. Или не всегда вниз опускались именно торговцы? Следовательно, и на самих островах могли вестись войны или активные боевые действия?

«Ничего, подучу местный язык – всё узнаю, – рассуждал Арис, начав осторожный спуск на поляну. – Всеми своё время. А вот о спусках на этих «тарзанках» следует узнать в первую очередь... Всё-таки живут они наверху, и мне придётся сюда подниматься ежедневно. И что, каждый раз карабкаться по этим лестницам?..»

Именно во время своего продолжительного спуска Арис сумел рассмотреть, как опускаются вниз большинство лесовиков. Они попросту крепко хватались за поперечину на конце своей тарзанки и прыгали вниз. При этом верёвка из утолщения на ветках выходила вначале легко, потом туго, а в финале вообще плавно останавливала падение человека. Именно тогда человек и должен был ловко зацепить поперечину за одну из рогаток, сделанных на стволах. Если он это сделать не успевал, его, словно на резинке, подтягивало вверх метров на пять, а то и восемь. Могло и о ветки ударить, потому что неуправляемо сносило в сторону. После чего натяжку вниз следовало делать с помощью товарища. Тот или сам становился ногами на поперечину, создавая двойной груз, или подтягивал неловкого приятеля вниз с помощью верёвки.

В механике Дарья Андреевна разбиралась средне, но предположения сделала:

«В утолщениях – барабан с натяжной пружиной. Пружины – то ли механические, то ли живые. Или ещё бывают растительного происхождения?.. Не бывают! Натяжка долго не продержится во «взведённом» состоянии. А ведь в течение всего дня верёвки были натянуты как струны...»

Не осталось без внимания Дарьи Черновой и то, как частенько воины поглядывали в её сторону. Точнее в сторону доставшегося ей мужского тела. И в этих взглядах читался неприкрытый вопрос: как поведёт себя человек, только сегодня упавший с неба и до сих пор толком не принятый в общину?

И в этом были свои резоны:

«Если я свалилась с неба... точнее – свалился, меня скорей всего принимают за островитянина. И ждут, что я пойду со «своими» на контакт. Вдруг и за шпиона какого-нибудь считают?.. Или за лазутчика? Или здесь такого не бывает? Но что случилось бы, начни я кричать, звать на помощь и попытайся подсесть в корзины или на платформы островитян?.. Хм! Могли бы стрелой угостить вслед, и не обязательно в мягкое место...»

А тем временем наступала ночь, следовало спускаться на поляну как можно быстрее, ужинать тем, что подадут, а потом... Нет! Не спать! А, как гласит первая заповедь любого человека, попавшего в иной мир: учиться, учиться и ещё раз учиться. Знание – сила. Знание языка – ключ к этой силе. Ну а всё остальное...

Арис Шенгаут непроизвольно содрогнулся, только представив, что завтра вновь придётся целый день таскать корзины, полные улиток. Но тут без вариантов, ничем иным он пока обществу лесовиков помочь не может. И так радоваться надо, что его приняли, одели, дали работу, предположительно накормят, а потом и кров предоставят, наверное.

Глава 6

Сознанию Черновой, попавшему в тело молодой женщины, повезло меньше. Она, после беготни по лесу, встреч с хищниками, погонь и падений, зверского холода – чуть не умерла от страха, когда гигантский питон золотой расцветки раскрыл на неё свою пасть.

И хорошо, что слабая, ранимая женская психика позволила на несколько самых страшных минут отключиться от действительности. А когда Дарья пришла в себя, то её уже интенсивно растирали резко пахнущим маслом заботливые женские руки. Было на удивление тепло, на досках потолка играли отблески очага, витали запахи хвои, цветов и чего-то страшно вкусного. Где-то совсем рядом слышалось странное кудахтанье.

Вначале Дарье даже показалось, что она всё-таки умерла. Просто успела вложить артефакт в рот, удав её съел, и сознание благополучно перенеслось

в иной мир, в иное тело и (ура – три раза!) в более благоприятную обстановку.

Воспоминания о мраморном яйце заставили левую ладонь конвульсивно сжаться. Увы, в ней ничего не оказалось. Чернова тут же задёргалась, попыталась сесть, а потом всё-таки уселась, преодолев легкое, скорей недоумённое сопротивление женщины, привставшей, а потом и распрямившейся возле устеленной шкурами лежанки. Но, рассмотрев испуганный, мечущийся взгляд Дарьи, она с пониманием усмехнулась, что-то спросила и ткнула пальцем в полочку на стене.

Артефакт лежал там, на расстоянии вытянутой руки. Так что землянка не удержалась, схватила его и намертво зажала в ладони.

Хозяйка обители улыбнулась, пожала плечами и заговорила вновь. Похоже, стала интересоваться у потеряшки: кто она такая и как попала в лес. Вот тогда и стало понятно окончательно, что языки разнятся от всех известных Дарье Андреевне и с наскака освоить местный язык будет непросто. Тем не менее, на полчаса она окунулась в общение с помощью жестов, простейших звуков и мимики, попутно рассматривала помещение, обстановку, женщину и себя.

Сама оказалась голой и весьма симпатичной, без явных внешних изъянов. Крови или следов укуса удава не наблюдалось. Прежние одежды были сняты и развешаны над печкой, похожей на буржуйку. В свои годы Чернова уже давно не стеснялась наготы.

Женщина выглядела на тридцать «с хвостиком». Лицо скорей строгое и надменное, чем приветливое. Но зато с правильными чертами, можно сказать, что красивое. Волосы аккуратно заплетены в две косы и уложены в высокую причёску. Из одежды – короткие брюки чуть ниже колена, меховые тапочки на босу ногу, какой-то излишне смелый топик из льна, не закрывающий живот, и меховая безрукавка поверх него.

Обстановка была сходна с убранством охотничьих домиков, заимок или промысловиков пушниной. На полу, на стенах, на лежанке и на нескольких скамьях лежали шикарные шкуры с длинным густым мехом. Видны громоздкие сундуки, два стола, широкая и плоская буржуйка, дверца которой оставалась открыта. Горящие дрова давали освещение всей комнате, со сторонами примерно три на пять метров. Причём одна стена выглядела тонкой и хлипкой,

с куском толстого полотна вместо двери. Скорей всего там кухня или кладовая. Потому что вторая дверь на другой стене казалась массивной и прикрывалась шкурами.

Ощущалось, что вся постройка частенько покачивается. За стенами скрипят стволы и шуршат ветки, гудит разбушевавшаяся вьюга. Скорей всего недавняя метель только разгулялась и не собиралась затихать.

«Значит, я в лесу, – рассуждала землянка, не прекращая общения. – Скорей всего, в той избушке, что увидела вверху. От удава меня спасли... Неясно только, кто и как... И как меня втащили наверх?.. Но и это сейчас не важно... Главное начать обучение местному языку и как-то деликатно попроситься на угощение... Иначе умру».

Что может быть деликатней, чем понятным жестом показать: «Очень хочу пить»? Вот она и показала. Хозяйка сразу спохватилась и вскоре принесла из кухни кувшин с каким-то травяным отваром. Налила его в красивую фаянсовую кружку, и пока гостя утоляла жажду, вполне понятно поинтересовалась:

– А есть хочешь?

Дарья так закивала головой, что чуть питьё не расплескала. Она справедливо подозревала, что доставшееся ей тело не кормлено как минимум сутки. А то и двое.

Как ни странно, обильного угощения ей не досталось. А может, у хозяйки ничего больше и не было? Но подала она гостю на тарелке кусок распаренного овоща, напоминающего репу, ломоть хлеба и жалкий кусочек сыра, который можно было легко спрятать за щёку. Так что ничего больше не оставалось, как продолжать попытки объясниться, познакомиться, выучить первые слова и при этом по крохе поглощать предоставленное угощение. Голод это ни капельки не утолило, но хоть как-то успокоило сжимающийся в спазмах желудок.

Женщину звали Саигава. И она являлась не то хозяйкой зубро-мамонтов, не то их пастушкой. Так же, по её настойчивому утверждению, ей принадлежал и золотой удав, у которого имелось личное имя: Дончи. Причём Саигава

довольно доходчиво показала, как именно использует своего монстра для охраны и выпаса стада, для доставки нужных веток для прокорма, и в виде банального... лифта. Ошибиться было нельзя: Дончи попросту хватал гостя или гостью своей устрашающей пастью и легко поднимал на платформу из брёвен.

Мало того! Всё тот же Дончи ещё и охотился для своей хозяйки и занимался сбором овощей, фруктов и даже некоторых трав.

Почему Саигава живет здесь одна, Чернову пока мало интересовало. А вот по поводу имени собственного она изрядно поспорила. Вначале она и не поняла, почему к ней уверенно обращаются словом «Жармин». Предположила, что это может быть что угодно, хоть «девушка», хоть «незнакомка». И несколько раз на все лады попыталась утверждать:

– Дарья! Меня зовут Дарья.

Её спасительница только хмыкнула и приступила к дальнейшим объяснениям. Достала маленькое, потемневшее от старости зеркальце и показала гостю то место на её теле, которое она смогла бы увидеть лишь с огромным трудом. Да и то вскользь. Тыльная сторона бицепса на правой руке. Там была татуировка:

– Жар-мин! – прочитала пастушка по слогам. Затем ткнула пальцем в серое пятно, слегка напоминающее выведенную татуировку: – Тайлама. Тайлама ди Жармин.

Потом стала показывать аналогичное место у себя, по слогам читая своё имя. После чего, тыкая в чистое место без пятна, сумела доказать, что у неё «тайлама» нет. Точнее говоря – никогда и не было. Потому что для неё подобное – запрет, табу... и так далее. А чтобы вообще никаких сомнений не осталось, кто такой тайлама, показала вульгарными жестами, что он делает с женщиной во время секса. И руками обвела весь дом. Потом ткнула рукой в лежанку.

«Понятно, – догадалась Чернова. – Речь идёт о муже. Но тогда почему у меня вместо татуировки пятно?» – И на этот вопрос ей ответили очень доходчиво, изобразив покойника. Мол, когда муж умирает, татуировка с его именем

убирается.

Новое имя землянке не понравилось категорически. И она приложила все усилия, чтобы довести до сведения хозяйки своё настоящее имя. Пришлось также выяснять: можно ли так? Пастушка скривилась в сомнениях, пожала плечами и даже руками развела. Получалось, что вроде как не запрещено... Только так никто не делает.

За стенами продолжала бушевать вьюга, а внутри домика оставалось тепло, уютно, мирно... пусть и голодно. Чем ещё гостью угостили, так это травяным отваром. А раз спать укладываться никто не спешил, то Дарья, прополоскавшая горло и хотя бы утолившая жажду, всеми средствами показала, что желает изучить местный язык. И стала тыкать рукой во все окружающие их предметы.

Но Саигава и к этому отнеслась скептически. Вначале сумела показать, что время всё-таки позднее и надо будет вскоре ложиться спать, и убедила, что предметы – ничто, а вот тело и его части – многократно важнее. Она довольно охотно приступила к обучению:

– Голова... Волосы... Глаза... Рот... Язык... Уши... Нос...

Чего уж там, Дарья со всем присущим ей рвением и неуёмным желанием приступила к учёбе. Тем более что новые слова давались вроде как легко, выговаривались просто и запоминались довольно быстро. К тому же добрая треть из них оказалась чуточку похожими на итальянские, частично – на греческие. Только и следовало, что старательно выговаривать, да ещё и визуально смотреть на запоминаемые части, а потом и касаться их. При касаниях стало ещё проще запоминать.

– Рука... Плечо... – Тем более что Саигава почти всё с себя сбросила, села рядом и уже рукой Дарьи касалась нужного места. – Локоть... Кисть... Палец...

Пройдя десяток слов и понятий, возвращались к первому уроку, ко второму. Повторяли. Вновь переходили к новым словам:

– Гладить... Касаться... Пощипывать...

Несмотря на скучность учебного процесса как такового, Дарья вдруг осознала себя странно разгорячённой. Сна или усталости – ни в одном глазу. Голода – как ни бывало. И даже возникло ощущение, что за ночь если не научится говорить, то уж точно всю анатомию человека на местном языке изучит. Наверное, нечто горячительное оказалось в напитке, раз организм завёлся словно после нескольких чашек крепкого кофе.

– Грудь... Живот... Нога... Бедро...

А вот когда её пальцы стали касаться внутренних сторон бедра, а потом и пальцы Саигавы прошлись в ответном поглаживании, Дарью вдруг накрыло острое желание сексуальной близости. Жаром наполнился низ живота, дыхание стало сдавленным и порывистым. Да и сознание начало завлакивать туманной поволокой подступающей страсти.

Конечно, паника пыталась разрастись и достучаться до трезвой рассудительности:

«Что-то со мной странное происходит. Не иначе как в этих травяных настоях не только горячительное, но и что-то возбуждающее... Или вытяжка мухоморная... Что это мы творим?.. И к чему это всё идёт?.. Или всему виной моё новое тело?..»

– Сосок... Лизать... – звучали тем временем новые слова, и язык пастушки уже нежными касаниями показывал глубинную суть очередных понятий.

Уж чем, а своей любвеобильностью Дарья всегда могла похвастаться. И мужа у неё за пятьдесят три года были, и многочисленные любовники. Опыт пребывания с двумя мужчинами у неё тоже имелся. Да и в трио, где две женщины и один мужчина, она не раз участвовала. А вот чтобы наедине с подругой – до такого никогда не доходило. Всегда превалировало жесткое убеждение, что без мужчины секс невозможен. Только самец должен нести (и несёт!) основную нагрузку при подаче чувственных удовольствий. Вместе с ним побаловаться, целуя партнёршу, – можно, а вот без него – никак. Иначе получают извращения, недостойные нормальной, цивилизованной женщины.

И сейчас казалось подобное зазорным. И постыдным. И неуместным. Только вот попытки себя остановить оказались безуспешными. Желание всё росло и росло.

Ум и трезвый расчёт затихли, а вот инстинкты выживания, наоборот, ещё и потворствовали неожиданному, всё больше усиливающемуся возбуждению:

«Я в новом, незнакомом для меня мире... Скорей всего подобное здесь в порядке вещей... Так зачем идти против течения?.. Как говорится, в чужой монастырь со своими амбициями и принципами не суйся. К тому же я просто обязана как-то отблагодарить свою спасительницу. Если бы не она... И не зубро-мамонт... И не этот золотой удав с таким странным именем Дончи...»

В общем, моральные оправдания для предстоящего действия отыскались быстро. А там и поздно было что-либо изменять. Потому что Саигава уже безраздельно властвовала во всех действиях и движениях. Только и оставалось, что подчиняться своей учительнице, делать как она и... Учиться новым словам. Как же без этого?

Хотя слов стало намного, намного меньше:

– Сильней... Нежней... Обнять... Прижаться...

Минуты превратились в мгновения. Часы пролетали как минуты.

Когда Дарья уснула, даже не поняла толком. Наверное, где-то в конце третьего часа страстной учебной сессии. А проснулась от того, что замёрзло лицо. Пространство вокруг заметно выхолодилось. Зато в комнате стало значительно светлей.

Приподняла голову, осмотрелась. Оказалось, что здесь есть три вполне больших окна. Только раньше они прикрывались шкурами, а теперь сквозь довольно крупные квадратики двойных зеленоватых стёкол просачивается не только дневной свет, но и слабые отблески солнечных лучиков. Сама Дарья оказалась накрыта несколькими шкурами. Буржуйка опять была раскрыта, и в ней разгоралась новая порция аккуратно отпиленных палочек.

Полог, ведущий на кухню, колыхался. Там что-то постукивало, такое впечатление, что нож по разделочной доске.

«Может, на завтрак меня угостят несколькими кусочками сыра? – улыбнулась Чернова, вспоминая перипетии прошедшей ночи. – Вроде как я заслужила... Хм! Чего себе-то врать: Саигава вполне на тройную порцию заработала. Если со мной сравнивать... А может, ей надо помочь?.. И вообще... очень хочется в одно место...»

Ну да, физиология, несмотря на новый мир, осталась прежней.

Поэтому Дарья выскользнула из-под обалденно тёплых, уютных шкур, подхватила свою одежду и быстренько бесшумно оделась. Благо, что всё оказалось сухое и на удивление чистое:

«Неужели, пока я была без сознания, мою одежду постирали?..»

Чтобы как-то вначале привлечь внимание, Дарья громко кашлянула. Стук на кухне тут же прекратился, полог отошёл в сторону, и выглянула Саигава:

– О! Ты уже проснулась? – Слова вроде незнакомые, но смысл вполне понятен.

– Ага! Уж больно хочется... Куда здесь?..

Пританцовывающая на месте гостя могла и не спрашивать, хозяйка уже увлекала жестом за собой. За пологом, сразу налево, находился небольшой туалет невиданного для лесной глуши комфорта и роскоши. Землянка ожидала увидеть в лучшем случае ведро, а то и банальную дырку в полу. А там был самый настоящий... унитаз. Не белый, конечно, и не фаянсовый, а из красной обожжённой глины. Зато с правильной системой типа сифон. Сливного бачка правда не было, вместо него рядом стояло ведро с чистой водой и висел на стенке деревянный черпак. Куда уходила труба канализации и имелась ли она, Чернова не стала присматриваться.

Когда Дарья вышла на кухню, то сразу поняла, что её подспудные ожидания более обильного завтрака оправдались на триста процентов. Заготовленной и нарезанной пищи хватило бы для кормёжки нескольких голодных мужчин.

– О-о-о! – затянула землянка в восторге. – И это всё для нас?

– Конечно! – Удовлетворённая реакцией своей гостьи Саигава подхватила поднос, указывая на второй: – Бери! И пошли в комнату! Мы с тобой заслужили.

И уже через несколько минут обе женщины вовсю уплетали обильный завтрак, продолжая при этом не только обучаться, но и хихикать над совсем, казалось бы, несмешными вещами. Праздник живота и всего остального начался!

Только вот, как всегда, отыщутся те, кто готов этому помешать. Потому что откуда-то снизу вдруг раздался рёв сразу из нескольких мужских глоток:

– Саигава! Покажись немедленно! Саигава!

Новый мир готовил для Дарьи Андреевны новые испытания.

Глава 7

Опустившись на поляну, Арис Шенгаут попал в полную ночь. Если бы не свет костров, не знал бы, куда идти. А так отыскал свою ванну, в которую сносил улитки, и стал ждать там. Ни одной из женщин не было, а опознать их в остальных компаниях, толпящихся возле котлов с доваривающимся ужином, не получилось бы при всём желании. До сих пор большинство аборигенов, особенно женского пола, казались на одно лицо.

Расчёт оказался верным. Хоть и появилось жгучее желание отправиться на ближайшую раздачу пищи, своего опекуна Арис дождался. Юный Гют примчался уже умытый, прихорошившийся, в новой одежде. Что-то протараторил ещё на ходу и только потом ухватил Ариса за руку, вспомнив, что тот ещё ничего толком не понимает в разговорной речи. Отвёл к группе, расположившейся возле двух костров, и уже там объяснил, что это и есть его непосредственная семья и многочисленные родственники.

Что интересно, малец первым делом из числа самых старших и авторитетных родственников представлял сначала женщину и только затем мужчину. Добавляя при этом определение для него, «тайлама» – муж.

«Значит, всё-таки матриархат, – решила Чернова. – Или нечто, на него похожее. Хорошо это или плохо? Особенно в плане меня нынешнего, молодого мужчины?»

Тем не менее молодых незамужних девушек опекун и учитель представил скопом, двумя словами. Тогда как парней и даже своих сверстников назвал каждого по имени. Получалось, что особым уважением пользовались женщины замужние, скорей всего уже родившие. А подрастающее или незамужнее сословие не пользовалось какими-то льготами.

О детях младше восьми лет вообще не было сказано ни единого слова. Трое младенцев находились в полотняных разгрузках у груди своих матерей. Десяток, а то и полтора постарше просто носились беззаботно вокруг, никем не контролируемые, играющие в свои неведомые городскому жителю игры.

Шенгауту выдали деревянную ложку, массивную глиняную кружку с отваром и приличный по размерам глиняный горшочек, полный каши с мясом. Причём каши вкуснейшей, приправленной ещё и жареными овощами с неким подобием сливочного масла. И неважно было, что кусочки мяса – это скорей всего некоторые части из внутренностей улиток. Вкупе с громадной свежеспеченной лепёшкой ужин прошёл «на ура». А напоследок прикомандированному к семейству парню ещё и добавки дали в виде второго горшочка с кашей.

«Видимо, заслужил, – рассуждал Арис, стараясь оставлять уши открытыми и улавливать каждое новое для себя слово. – Или здесь каждому мужчине полагается повышенная норма?..»

Гют находился рядом и ни на минуту не забывал о своей обязанности учителя. Во время данного урока шли слова и обозначения всего, что касается ужина: ложка, хлеб, каша, мясо, кружка, отвар... и тому подобное.

Конечно, в голове могла образоваться каша от обилия новых слов, но пока память и сознание Дарьи Андреевны справлялись, а доставшиеся ей мозги впитывали знания, как губка воду. Даже создавалось впечатление, что на подсудном уровне эти знания оставались и теперь воспринимались, словно давно забытые, привычные с детства понятия.

«Наверное, так и должно быть, – рассуждала землянка. – Да и мои старые навыки изучения иностранных языков срываются... Оп-па! А эта чего от меня

хочет?..»

Малец почтительно пересел чуть в сторону, а возле доедающего ужин Ариса присела самая пожилая женщина данного рода. Она старалась говорить, помогая себе жестами и не стесняясь взывать к помощи довольного таким доверием Гюта. Остальное приходилось угадывать, включая логику и житейский опыт.

Получился примерно вот такой диалог:

- Ты мужчина молодой, крепкий, умеешь проявить должное усердие в любом деле. Поэтому негоже тебе спать одному.

- В каком смысле одному? И где именно спать?

- Спим мы в наших домах наверху, ты их видел. А смысл существования каждого человека - это создание полноценной семьи и воспитания здорового потомства.

«Да что же это получается? - внутренне противилась землянка. - Меня в первый же вечер собираются женить? Или попросту заставляют покрыть одну из этих сомнительных простушек? Что-то меня ну никак на них не тянет... Или это мне такое тело импотентное досталось?»

В самом деле, как ни прислушивалась к себе, никаких позывов плоти к фривольной близости с местными девицами не замечала:

«Или мне пора начинать думать о себе категорически как мужчина?»

- Поэтому ты должен выбрать кого-то из этих красавиц! - продолжала тем временем пожилая матрона семейства, тыкая рукой в сторону пятёрки худосочных девиц примерно четырнадцатилетнего возраста. - Присмотрись к ним, отметь свою избранницу и окажи ей должные знаки внимания. И она придёт на отведённое для тебя ложе.

Чтобы затянуть с ответом, Шенгаут часто вопросительно поглядывал на своего юного опекуна. Переспрашивал, уточнял, делал всё возможное, чтобы уйти от навязываемого ему выбора. И матрона это заметила. Тут же строго поджала

губы, глаза её заблестели злобой и агрессией. В какой-то момент показалось, что она даже осмелится ударить ослушника.

Да и тот решил замять назревающий конфликт. Для себя обозначил предстоящее событие словами «Будь, что будет!», вслух попытался скрасить причину своего изначального отказа объяснениями:

– У нас... – осторожные жесты в небо. – Таких юных в жёны не берут. Девушка должна быть постарше. Лет восемнадцати, а то и двадцати...

При этом на пальцах показывал года, да и рукой тыкал в разных по возрасту женщин для сравнения. Вот только матрона ещё больше обиделась на прищельца за такие слова. Затараторила что-то совсем быстрое, не стараясь быть понятой и не скрывая своего гнева. Только и мелькали порой понятные слова «муж», «жена» и «потомство». Договорив свою обширную тираду до конца, женщина повелительно глянула на мальчика, встала и гордо удалилась. А там и в сторону деревьев отправилась, видимо, посчитав своё присутствие на поляне излишней милостью для окружающих.

Вначале Гют казался притихшим, но вскоре заулыбался, не в силах скрывать свою бесшабашную натуру. Похоже, что вообще чему-то обрадовался. Судя по тому, какие он взгляды бросал на группку тех самых девиц, у него самого свой интерес имелся к самой младшенькой из них. А дальнейшие его объяснения позволили понять следующее: прищельца особо неволить с выбором, а уж тем более принуждать к обязательной близости никто не имеет права. Вот матрона в своём последнем предложении и заявила в сердцах: «Если тебе не нравятся наши девушки на выданье, ходи по всему посёлку и сам выискивай для себя «перезревших бесприданниц» или «непраздных вдовушек».

Сложные понятия юноша объяснил быстро и доходчиво, используя живот, детей и простейшие бытовые жесты. А потом предложил оставить местные приборы для ужина у костра и пройтись по другим компаниям. Тем более что всезнающий гид во время такой прогулки являлся обязательным условием.

Естественно, что после такого напряжённого дня, когда болела каждая мышца, да после некоторого переедания, Шенгаут предпочёл бы сразу завалиться спать. Знал бы, где его место для ночлега, тотчас туда и отправился. Но... В чужом колхозе председателем не станешь. Права не качнёшь. Вот и пришлось

отправляться на смотрины.

Тем более что спать из молодёжи никто не спешил. Да и твердь острова наконец-то пролетела и вместо неё на небе появилась здоровенная луна голубоватого цвета. Да настолько ярко сияющая, что вокруг костров стало значительно светлей.

Понятно, что Арис ткнул в небо рукой и потребовал объяснений.

– Могридан! – приступил к очередной лекции учитель, помогая себе руками, пальцами, примерами тканей и ужимками. – Самая большая луна. Ещё есть Санвалия, она – вон там, и мы её за деревьями не увидим. А под утро появятся Уарга и Кессоша. Но будет видна только краешком Кессоша. Она ярко-зелёного цвета.

Шенгаут минуты три был не в силах оторваться от созерцания Могридан. Слишком уж она казалась огромной, раза в два больше, чем земная Луна, и наверняка имела свою атмосферу. Так что следующие вопросы последовали вполне ожидаемые:

– А люди на Могридан проживают?

Юный учитель глянул на Ариса озадаченно. Да и в своём ответе не скрывал сомнений:

– Мне казалось, ты уж точно знаешь, раз с острова свалился... Ну а по нашим легендам – разное получается. Одни говорят, что там такие же люди, как мы, живут, вторые – что там злобные духи обитают или хищные звери. Третьи – что на лунах томятся души умерших существ. На Могридан – души мужчин, на Кессоши – женщин, на Санвалии – животных, ну и на Уарге – богов, создавших все миры и самого Клочари.

Высшие образования помогли Черновой понять общее строение данной планетарной системы. Сама планета Клочари – намного больше Земли, и четыре громадных спутника, удерживаемых на орбитах, – тому яркое подтверждение. Что вызывало сомнение и непонимание – отсутствие повышенной гравитации. Почему-то Дарья верила: раз планета имеет твердь, то чем она больше, тем большая на ней сила тяжести.

Но здесь, похоже, все законы гравитации были попорчены летающими в атмосфере островами, так что кажущийся нормальный вес ещё не повод для сомнений. Мало того:

«Я ведь в другом теле! – вспомнила Дарья. – Что для него привычно, то для иного землянина могло быть уже смертельно. Стандарты того же эталонного килограмма (будь он у меня) сравнить не с чем. Поэтому лучше всё вокруг себя воспринимать, как само собой разумеющееся».

А вот с начавшимися смотринами следовало вести себя сдержанно и осторожно. Ещё при подходе к первой компании с молодыми девушками опекун красноречиво пояснил жестах предпочтительные правила поведения. Только смотри. Но долго не заглядывайся. Не спеши с выбором. И вообще молчи. Не соглашайся, если что-то спросят. Смело обращай ко мне за разъяснениями.

И напоследок ещё более эффектные дал пояснения к своим жестам:

– Иначе сегодняшнюю ночь проведёшь с какой-нибудь тёткой! Вон... с той, например... Или вон с той.

Тётки казались страшными и уродливыми, и оставалось только гадать, какой из мужчин может быть настолько неприятным, чтобы спать с такой мымрой? Да и как бы осмелилась такая навязаться в общество к молодому парню? Для выяснения этого не хватало ни слов, ни времени.

Во время подхода к другому очагу под открытым небом следовало приветствовать сидящих восклицанием «Траш уана!». Обозначало оно вроде как приветствие с пожеланием хорошего отдыха, так что новичок в общине сразу запомнил новое слово и усердно повторял его вслед за мальцом.

Тот явно гордился порученной ему миссией. И приветствовал громко, и говорил впоследствии бойко, вызывая у взрослых похвальное хмыканье своими речами. Даже девиц на выданье умудрялся в краску стеснения вводить. Ну и сразу заявлял, что в традициях новичка брать в постель женщин зрелых, опытных, возрастом за восемнадцать. Поэтому, дескать, и не отыскал он пару по нраву в приютившей его семье, и сейчас вот подыскивает по своему вкусу и по своим понятиям.

Реакция на такие слова следовала не всегда одинаковая. Но самое основное – весёлая и шумная. То ли собравшиеся у костров люди всегда были такими жизнерадостными и смешливыми, то ли настроение у них сегодня зашкаливало после удачных торгов с островитянами. Но сразу со всех сторон неслись восклицания, смех, советы и рекомендации. Мало того, всех свободных девиц, женщин или вдовушек заставляли встать и показать себя гостю во всей красе.

Самое удивительное, что сами молодые девушки чаще всего наперебой предлагали Арису кого-нибудь из своих подруг. При этом расхваливали и перечисляли все очевидные, по их мнению, достоинства. Получалось бойко, похлеще, чем на каком-нибудь базаре. А если учитывать, что к данному месту сбегалась вся не охваченная забавами мелочь, а то и некоторые взрослые от соседних кострищ подходили, то каждый раз получалось настоящее представление.

Оставалось только пожалеть, что суть большинства шуток ускользала от принятого в общину новичка. Выученная сотня слов только и позволяла, что осторожно улыбаться во время всеобщего веселья.

«Видно, мало у них развлечений, – размышляла Чернова. – Вот и загорелись энтузиазмом, граничащим с фанатизмом. Вот и пытаются мне сбегрить кого угодно, устроив показательные соревнования по дисциплине «Кто кого обскачет»... Только мне кажется, я сегодня буду спать одна, то есть – один. И не потому, что я ещё вчера была женщиной, а потому что женщин среди них на мой вкус нет. То слишком юные... То слишком тощие... То вообще страшенькие на вид... Их что тут, не кормят? Или всё упирается в ограничение веса по причине слабины местных верёвок?.. Вряд ли... Вон мужики с оружием наверх взлетали, словно ничего не весили... Хм! Не совсем верно тут подходит определение «мужики». Скорей – коллеги и товарищи по половой принадлежности... О, господи, звучит-то как по-ханжески! Но хочешь, не хочешь, а испытать мне мужские ощущения всё равно придётся. Лишь бы не сегодня! Что-то я ещё к такому не гото... в».

Всё шло к тому, что избранницы сегодня не будет. Арис бросал на девушек лишь короткий взгляд. Потому что не на что было засматриваться. На прямые вопросы помалкивал и только косился на своего опекуна. И Гют умудрялся своими словами и действиями лицедея как новенького успокоить, так и представляемых партнёров не обидеть. Твердил у каждого костра одно и то же:

– Бабушка сразу сказала: Шенгауту сегодня будет не до ласк. Ведь он такое пережил! Упал с острова и наверняка уже простился с жизнью. Сами знаете, что люди, порой даже падающие в скопление паучьих гнёзд, не выживают. Вот у парня эмоции и уснули на время. Зато когда поработает пару деньков со мной, встряхнётся, то сам будет за каждой красоткой гоняться.

Аборигены со сказанным соглашались. Никто Ариса неволить не собирался. И он расслабился, успокоился.

Но у предпоследнего кострища его поджидала ловушка. Началось там всё уже привычно, и все веселились до тех пор, пока из густой тени к свету не вышла девушка лет за двадцать. Причём она несомненно и выгодно отличалась от себе подобных отличной фигуркой с плавными обводами. Не пышечка, а больше спортсменка с очень приятными формами. Костюм на ней оказался скорее охотничий, мужской. Да и личико показалось тщательно вымытым и вполне симпатичным. Наверное, поэтому Шенгаут и пялился на неё совсем по-иному, чем на всех предыдущих кандидаток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/yuriy-ivanovich/androgin>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)